

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ВТОРОЙ СЕССИИ
АССОЦИАЦИИ АРАБИСТОВ

19—23 октября 1937 г.

*ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
АКАД. И. Ю. КРАЧКОВСКОГО*

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, вып. XXXVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

АРАБСКИЙ ЯЗЫК И КАВКАЗОВЕДЕНИЕ

● ЗНАЧЕНИИ АРАБСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КАВКАЗА¹

Как повсюду в странах относительно более позднего культурного развития, мы сталкиваемся и на Кавказе (имею в виду как здесь, так и в дальнейшем преимущественно его нагорную часть) с необходимостью пользоваться при изучении исторического прошлого его народов в значительной мере, а иногда и по преимуществу, письменными источниками иноземного или иноязычного происхождения.

Среди источников такого рода для изучения истории народов Кавказа выдающаяся роль принадлежит источникам арабского происхождения или арабоязычным. Обстоятельство это общеизвестно и общепризнано среди изучающих Кавказ специалистов, и потому в задачу моего краткого сообщения отнюдь не входит доказательство значения арабского языка для кавказоведения; речь может идти лишь о напоминании — в интересах арабистов, непосредственно с кавказскими материалами не связанных, — известных, относящихся сюда моментов, а частично о сильном разъяснении или уточнении некоторых деталей, без какой-либо претензии охватить и исчерпать материал или хотя бы сделать излишним критический пересмотр того, что привлекалось до сих пор по данному вопросу в научной литературе.

Прошло уже свыше 25 лет с момента опубликования специально посвященной разъяснению и доказательству значения арабского языка для кавказоведения работы А. Г. Туманского, известного исследователя бабизма.² Изданная, по скромному заявлению „Предисловия“, с „более публицистической, чем научной“ целью, брошюра Туманского остается в существующей литературе единственной работой, касающейся исключительно занимающего нас вопроса; будучи написана востоковедом с бесспорными заслугами перед наукой, она стоит того, чтобы остановиться на разборе основных соображений автора.³

Главная мысль, обосновывающая дальнейшее изложение автора, выражена им на стр. 10 следующими словами: „...так как наш Кавказ — на две трети мусульманская страна, то значение арабского языка само собой выдвигается на первый план“. По замечанию рецензировавшего

¹ Под значащимся в подзаголовке названием настоящее сообщение, переработанное для печати, было прочитано 21 октября 1937 г. на Сессии.

² Ср. перечень его работ у V. Minorsky [Hudūd al-'Ālam, etc., London, 1937, pp. VIII (no. 4), IX—X].

³ А. Г. Туманский. Арабский язык и кавказоведение. Публичная лекция на Тифлиских высших курсах по кавказоведению, читанная 6 ноября 1910 г. (Тифлис, 1911, стр. 41).

брошюру акад. Крачковского,¹ вторая, обосновывающая основной тезис, часть работы своей цели не достигает: „...трудно скрыть, что по прочтении этой части читатель может вернуться к тому же вопросу, который ставит автор в начале ее (стр. 28): При чем же тут Кавказ и кавказоведение?“. Роль арабского языка для него остается невыясненной...“ (стр. 241 рецензии). Источник неудовлетворительного решения задачи, которую ставил себе в своей лекции А. Г. Туманский, приходится усматривать, как мне кажется, в том, что он разделял некоторые характерные для более широких кругов, но безусловно ошибочные воззрения на арабский язык как в его прошлом, так и в его настоящем (разумеется, в кавказских условиях дореволюционного времени).

Так, прежде всего, ограничивая роль арабского языка интересами „основательного практического знания языков“ мусульманской культуры (стр. 39) и кругом „юриспруденции, философии и богословия“ мусульманских народов (стр. 40), автор допускал необоснованную уступку банальному представлению об арабах как о народе исключительно мусульманском и о литературной деятельности на арабском языке как интересной только с точки зрения мусульманской культуры. Между тем, в действительности наиболее значительная, хотя, быть может, и самая сложная и потому трудная для исследования, сфера культурных взаимоотношений Кавказа с арабским миром связывается с фактом многовекового существования христианско-арабской литературы, существовавшей, как известно, еще до мусульманской и независимо от нее; арабский язык интересен и важен для кавказоведа, в числе других оснований, еще и потому, что (говоря словами акад. Марра²) „арабским языком пользовались как литературным христиане различных исповеданий, различных стран, различных происхождений, монофизиты, православные, арабы, сирийцы, копты и др.“. Интересом к арабам и арабскому языку у других народов, с точки зрения так называемого „христианского Востока“, характеризовалась, по словам акад. Бартольда, русская школа арабистики. Но, наряду с такими представителями этой „одной из наиболее прочных и наиболее ярко выраженных традиций русского арабизма“, как называемые акад. Бартольдом³ В. Ф. Гиргас, В. Р. Розен, Н. А. Медников и И. Ю. Крачковский, в лице непревзойденного корифея кавказоведения акад. Н. Я. Марра мы видели исследователя-кавказоведа, оценившего, с точки зрения интересов своей специальности, прежде других в особой мере именно христианско-арабские источники и в своих работах⁴ обосновавшего значение христианско-арабских материалов для разъяснения прошлого целого ряда народов Кавказа. Переводческая деятельность, связывающая многообразными нитями литературную деятельность в Грузии, Армении, Сирии, Палестине, Месопотамии, Египте, Абиссинии и Византии, оставила чрезвычайно важные и интересные в историческом и историко-литературном отношении памятники на арабском языке: в качестве лишь примера можно назвать известный документ по истории христианизации народов Закавказья (армян, грузин, абхазов и аланов), сохранившийся в одной Синайской рукописи на арабском языке, с коптской по страницам и грузинской по тетрадам нумерацией листов;⁵ сле-

¹ Мир ислама, I, СПб., 1912, стр. 237—243.

² ЗВО, т. XVI, стр. 163—164.

³ Ср.: Мир ислама, I, стр. 414, примеч.

⁴ Перечисление и характеристика относящихся сюда трудов Н. Я. Марра даны в статье акад. Крачковского — „Н. Я. Марр и памятники арабской литературы“ (Библиография Востока, вып. 10, 1936, стр. 7—15).

⁵ Издан акад. Марром в „ЗВО“ (т. XVI, стр. 63—211) в статье „Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григорием“.

дует отметить, что и для истории одного из народов Северного Кавказа, ингушей, данный источник содержит важное указание на раннее время (не позднее второй половины VIII в.) проникновения к ним христианской пропаганды в упоминании на стр. 136—137 издания акад. Марра страны ¹ نرزقيات.

В том же плане культурных связей арабоязычных стран с народами Кавказа возникали и непереводаемые документы, подобно описанию на арабском языке путешествия Макария Антиохийского в XVII в.; описание путешествия в части, касающейся Кавказа, ожидает еще, несмотря на существующие работы проф. Жузе и О. Лебедевой, издателя, переводчика и комментатора-кавказоведа.

Арабские надписи на монетах, чеканившихся в Грузии,² долженствовавшие обеспечить этим монетам, в силу международного в то время значения арабского языка, более широкое хождение;³ датировка памятников грузинской письменности годами хиджры;⁴ арабские надписи на предметах христианского культа из Армении и Свани⁵ — все это и другие аналогичные факты „обязывают, — по словам И. А. Орбели, — не спешить с определением мусульманского происхождения находимых на Кавказе «мусульманских» по обличию памятников“,⁶ диктуя кавказоведению необходимость постоянно учитывать арабские письменные источники, как таковые, вне конфессиональной мусульманистической связи, т. е. в рамках истории народов „христианского Востока“.

На стр. 28—29 своей брошюры „Арабский язык и кавказоведение“ А. Г. Туманский производит оценку роли арабского языка в современном ему быту народов Кавказа: „Как известно, на Кавказе арабского населения нет, и живая арабская речь не раздается ни в одном из населенных мест Кавказа. Только в суровом Дагестане осталась кое-какая письменность на этом языке и кадии пишут свой судебные решения на арабском языке. Причем надо отдать им справедливость, что язык этот весьма не высокого достоинства“. В приведенных словах содержится целый ряд неточностей. Безусловно неверно ограничение сферы распространения арабского языка одним лишь Дагестаном: в таком же положении, как Дагестан, находились Чечня, Ингушия, отчасти Кабарда и Черкесия. О количественной стороне одного лишь книжного издательства на арабском языке, позволяющей судить об удельном весе арабского языка в дореволюционной печатной продукции Кавказа в целом, мы располагаем официальными данными Тифлисского комитета по делам печати, публиковавшимися ежегодно в статистическом отделе „Кавказского календаря“. За время с 1 сентября 1910 г. по 1 сентября 1914 г. т. е. за последние четыре предвоенные года, издано было на арабском языке 82 названия, в количестве 151 050 экз.; по характеру содержания эти издания распределялись на „книги религиозно-нравственного характера“ — 41 название, „учебники и учебные руководства“ — 36 названий, „научные сочинения по разным отраслям знания“ — 2 названия и наконец, „беллетристика“ — 3 названия. За этот же период времени для 2-миллионной массы туркоязычных народов Кавказа (азербайджанцев,

¹ Ср.: А д о н ц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 328; Д ж а в а х и ш в и л и. История грузинского народа (на груз. яз.). I, 1928, стр. 174, примеч.; ЗКВ, V, стр. 704 сл.

² Ср.: П а х о м о в. Монеты Грузии. СПб., 1910, стр. 81 сл.

³ См. в издававшемся акад. Марром журнале „Христианский Восток“ (т. I, 1912, стр. 112—113).

⁴ Там же, стр. 279—280.

⁵ Перечисление и характеристику этих предметов см. там же, VI, 1917—1922, стр. 201—202.

⁶ Указ. м., стр. 201.

кумыков, ногайцев и пр.) издано 272 названия, в количестве 588 980 экз., что дает отношение числа арабских изданий к числу изданий на турецких („татарских“) языках, равное отношению 1 к 3 $\frac{1}{2}$. Особенно поучительно сравнить, в виду роли персидского языка в литературно-книжном обиходе Азербайджана тех годов, арабское издательство с издательством на персидском языке, составившим за указанное время всего лишь 37 названий, в количестве 112 586 экз. Едва ли удачна, таким образом, в свете этих цифровых данных приведенная формулировка о „кое-какой письменности на арабском языке“. Несмотря на вызванные войной 1914—1918 гг. экономические затруднения, отразившиеся на масштабах издательского дела, и после начала войны зарегистрировано за один лишь год (с 1 IX 1915 по 1 IX 1916) издание 23 названий на арабском языке, с общим тиражом 30 430 экз. (ср. соответствующие показатели: для „татарских языков“ — 37 названий, 66 101 экз.; для персидского языка — 9 названий, 19 050 экз.). В годы войны появилось в административном центре Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск), периодическое издание — газета „Дагестан“, выходявшая вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции на двух языках — арабском и „татарском“. До 50% издававшейся на Кавказе литературы на арабском языке относилось к богословию: процент чисто „светской“ печатной литературной продукции, оставляя в стороне учебники, был весьма низок, составляя не более 6% общего количества изданий.

Мы сталкиваемся на Кавказе (в Дагестане и Чечне) последних десятилетий до революции с фактом столь широкого распространения знания арабского языка, какого, по замечанию акад. Бартольда,¹ не встречалось ни в какой другой стране из числа тех, где арабский не является родным языком населения. Известно сообщение К. Снук-Хюргронье о выдающейся роли, какую играли выходцы из „Дагустана“ (Daghustan) в ученых кругах Мекки в 80-х годах XIX в.²

Публикация и анализ ряда документов, связанных с Шамилем, производимые в последние годы акад. Крачковским и его учениками, в корне опровергают ту оценку арабистических познаний дагестанцев, которая содержится в труде А. Г. Туманского. Если нам трудно было судить о достоинстве арабского языка дагестанских ученых ранее, до выхода в свет упомянутых работ,³ в настоящее время мы имеем возможность непосредственно оценить высокий уровень арабистических знаний в Дагестане, тем более высокий, к сожалению, чем менее схоластическая традиция уступала свои позиции требованиям изменившейся эпохи и среды.⁴ Весьма любопытны детали в восторженном отзыве, относящемся еще к концу XVIII в., иеменского ученого-араба аш-Шаукани об одном дагестанце: „...я не видал похожего на него в умении хорошо выражаться, пользоваться чистым языком, избегать в беседе вульгаризмов, прекрасно произносить речь. При слушании его слов мной овладел такой восторг и радость, что даже дрожь пошла по мне“.⁵

¹ Enzyklopädie des Islam, s. v. Daghestan.

² Ср. теперь цитату, со ссылкой на старый русский перевод В. В. Бартольда, в статье акад. Крачковского „Дагестан и Йемен“ Сб. „Памяти акад. Н. Я. Марра“, 1938, стр. 366, примеч. 2.

³ Косвенные указания, как, например, известный отзыв о Шамиле проф. Казембека в „Journal Asiatique“ (5-me série, t. XV, 1860, pp. 270—271), оставляю в стороне.

⁴ Ср., например, суждение Г. В. Церетели „о блестящем знании Шамилем классического арабского языка“ в „Трудах первой Сессии арабистов 14—17 июня 1935 года“ (1937, стр. 112); о характере традиции см. у И. Ю. Крачковского в „Историческом архиве“ (т. II, стр. 26—27).

⁵ Акад. Крачковский. Дагестан и Йемен. Сб. „Памяти акад. Н. Я. Марра“, 1928, стр. 365.

Некоторые неясности связаны с вопросом об арабоязычном населении на Кавказе. Слова А. Г. Туманского могут и в этом отношении несколько дезориентировать читателя. Несуществование арабского населения и „живой“ арабской речи на Кавказе в настоящее время, почти в середине XX в., не подлежит, повидимому, сомнениям. Более спорно и сомнительно несуществование такого населения в самом недавнем прошлом (в XIX в.), не говоря уже о более отдаленных временах — XVIII и предшествующих веках. Обычное, традиционное представление об исчезновении, точнее денационализации на Кавказе арабов, оседавших в восточном Закавказье и Дагестане с героической эпохи жизни арабского народа в VIII—IX в. н. э., относит это событие к монгольскому времени (XIII—XIV вв.). „Мы не имеем сведений, — писал акад. Бартольд по поводу Дербента,¹ важнейшего опорного пункта арабизма на Кавказе, — когда и как арабское население оказалось вытесненным турецкими иммигрантами. Этот переход связан, вероятно, с постепенной туркизацией Азербайджана и других пограничных областей северо-западной Персии после периода Сельджуков“, но отмечает тут же арабское имя правителя Дербента в XII в., Сейф аддина ас-Сулами, как доказательство сохранения арабами преобладающей над турками роли в Дербенте того времени. При оценке бывшего количества и роли арабского населения в Дагестане в ту эпоху следовало бы обратить внимание, между прочим, и на слова работавшего над своим трудом в Багдаде и Алеппо испанского араб-географа XIII в. Ибн Са'ида (1214—1286 гг. н. э.), пишущего, что население горной области Сарир (отождествляется с северным Дагестаном, специально Аварией) произошло от смешения арабов с турками.² При всей условности этнографического значения этого и подобных ему известий арабских географов, суждение ученого араба XIII в. имеет, конечно, известный и притом больший вес в наших глазах, чем, например, аналогичное мнение европейского путешественника 80-х годов XVIII в. Рейнегса (знавшего некоторые восточные языки, в частности турецкий) о хайдаках к северу от Дербента, говорящих будто бы на настоящем староарабском языке, смешанном с ногайско-татарским („ächt alt-arabisch mit Nogaitatarischen vermischt“).³ Не случайно, быть может, наиболее прочно традиция арабского языка держалась до наших дней не в самом Дербенте и не к югу от него, как следовало бы ожидать по историческим и географическим соображениям, подсказываемым доступными нам источниками, а к западу от него. Еще не далее, как 6—7 лет тому назад, при различных разъездах по Дагестану, мне приходилось встречать показания об арабском языке как родном для местного населения (применительно к исчезающему старшему поколению) одного лишь единственного селения Дагестана — Дарвага, расположенного в горах, в 35 км к западу от Дербента (местное, табасаранское, название сел. Дарваг отбрасывает первую часть слова „Дар“, несомненно иранского происхождения в значении 'врата', и звучит „Ва'акк“, аналогично тому, как Дербент, вместе с примыкающей к нему с запада горной цепью, называется по-просту „Бенд“, т. е. 'запор', а жители ряда селений к северу от названной горной цепи, както селений Дювек, Ерси, Дарваг, Зиль и др., именуются „Бендликк ккаюрар“, т. е. 'живущие под Бендом'); ни в примыкающей к Дербенту с запада Табасарани, ни среди лезгин, рутулов, цахуров или других яфетических народностей южного Дагестана подоб-

¹ См. Enzyklopädie des Islam, s. v. Derbend.

² См. текст у В. Бартольда в „Festschrift zu Ehren von Prof. D. Chwolson“ (Berlin, 1899, стр. 235, примеч. 6) по рукописи Британского музея (Or., 1524, fol. 72).

³ Dr. J. Reineggs. Allgemeine historisch-topografische Beschreibung des Kaukasus, Theil I, 1796, p. 84.

ных указаний не встречалось. Отмеченное показание об арабском населении Дарвага получает видимую поддержку в сведениях переписи 1897 г. В материалах переписи, опубликованных, к сожалению, только суммарно, по крупным административным подразделениям края, Центральным статистическим комитетом в 1905 г., о распределении населения Кавказа по родному языку, указывается на наличие на Кавказе в самом конце XIX в. 955 чел., показавших своим родным языком арабский. Распределялось это арабоязычное население следующим образом:

	Мужчин	Женщины
Бакинская губ	6	5
Дагестанская область	457	455
Кутаисская губ.	17	7
Терская область	4	—
Тифлисская губ.	2	—
Эриванская губ.	2	—
Итого:	488	467

24 чел. Кутаисской губ. — несомненно, горожане и случайные выходцы из Турции новейшего времени, может быть арабизованные ассирийцы (айсоры), так же как и 11 человек в Бакинской губ. С еще большей степенью уверенности можно это утверждать относительно Терской области и губерний Тифлисской и Эриванской. Они, разумеется, настолько же нехарактерны, как, например, те 11 человек „арабов“, которые зарегистрированы были переписью 1926 г. в Закавказье (9 чел. в Азербайджане и 2 чел. в Армении). Что же касается говоривших арабским языком в Дагестане, то характерное для сельского населения Дагестана соотношение полов (меньшее число женщин против числа мужчин) и близость общей численности (912 чел.) к численности населения Дарвага (в 1886 г. для Дарвага указывалось 502 мужч. 459 женщ., всего 961 чел.; в 1894 г. — 497 мужч. 471 женщ., всего 968 чел. и т. п.; по более поздним данным на 1926 г. в Дарваге оказывается уже 641 мужч., 582 женщ., всего 1223 чел.) дают основание предполагать, что под арабоязычным населением Дагестана в переписи 1897 г. скрываются дарвагцы.

О ближайших обстоятельствах истории заселения Дарвага арабами мы имеем некоторые интересные указания: разрушенный ал-Джаррахом, полководцем халифа Язида II, в 103 г. х. (721/2 г. н. э.), хазарский Дарваг¹ был восстановлен и укреплен при халифе Мансуре (136—158 гг. х. = 754—775 гг. н. э.) наместником Армении Язидом ибн Асадом (sic!), поселившим в Дарваге арабов, выходцев из Дамаска;² отмечается при этом, что Дарваг был город большой и значительный. Более древнее и важное указание по этому же поводу содержится в истории Якуби; свидетельство Якуби позволяет составить более отчетливое представление об обстоятельствах, вызвавших со стороны арабов заселение и укрепление Дарвага и целого ряда пунктов в районе Дербенда. Здесь мы читаем:³ „И заволновались хазары в области Армении, и напали на Язида ибн Усайда ас-Сулами, о чем он донес [— халифу —] Абу Джа'фару, сообщая, что Рас-Тархан, царь хазар, наступает на него с большой армией и что его [— Язида —] наместник бежал. Тогда Абу Джа'фар отправил к нему Джабра'ила ибн Яхью ал-Баджали с двадцатью тысячами [— воинов —]

¹ См. Dorn. Nachrichten über die Chasaren, etc., pp. 462—463, по персидскому переводу Табари, Баллами; Kазет Вег. Derbend Nameh, p. 518.

² Kазет Вег, I. c., pp. 571 и 579; версия, опубликованная Клапротом, указывает более точно год события — 146 г. х. = 763/4 г. н. э. (ibid., p. 573).

³ Текст у Якуби (II, стр. 446) по переводу проф. Жузе (Мат. по ист. Азербайджана, вып. IV, Баку, 1927, стр. 8—9).

из жителей Сирии, Джазиры и Мосула, и они вступили в бой с хазарами, и было перебито много мусульман, а Джабра'ил и Язид ибн Усайд обратились в бегство и прибыли в [— крепость —] Хирс.¹ Получив известие о том, что постигло [— мусульманскую армию —] и о победе хазар и их вторжении в мусульманские области, Абу Джа'фар велел выпустить семь тысяч из тюрем и собрать в разных областях много воинов, которых он отправил [— против хазар —], присоединив к ним рабочих и строителей, и построил он города Камах (كمخ) и ал-Мухаммадию (المحمديه), и Баб-Вак (باب واق), и другие города, которые обратил в опорные пункты для мусульман и куда поселил воинов. После этого [— мусульмане —] возобновили войну и вступили в бой с хазарским народом; благодаря вышеупомянутым городам мусульмане усилились и страна успокоилась". Насколько мне известно, попыток приурочить названный в тексте Якуби Баб-Вак к какому-либо определенному пункту до сих пор не делалось, и название оставалось неразъясненным *ἄπαξ εἰρημένον*. Привлечение современного местного топонимического материала позволяет с легкостью разрешить вопрос: واق [باب] = [Дар] Ва'акк = 'Дар'вагу. Камах отождествляется с одноименным современным Камахом² (в 20 км к западу от Дербента). Испорченное в рукописной традиции третье название скрывает, вероятнее всего, современное сел. حمیدی, Химейди,³ расположенное в 30 км от Дербента, по соседству с Дарвагом.

О существовании арабов на Кавказе в новейшие времена, а именно в первой половине XVIII в., нам хорошо известно в связи с русской оккупацией западного и южного побережья Каспийского моря в 1722—1732—1735 гг. и русско-турецким размежеванием захваченных у Персии территорий Закавказья. В составленной Гербером в 1728 г. записке имеется следующее курьезное описание арабов-кочевников Муганской степи: „Аравитяне, живущие ныне в сих (т. е. прикаспийских) областях, происходят от тех, которые прежде сего с скотом своим пришли в Персию и там остались. Они говорят смешанным турецким, татарским и арабским языком и содержат сунскую магометанскую секту. Они живут по поколениям, по несколько сот шалашов вместе, и выбирают себе юзбашу, которому повинуются. Кочуя в юртах и палатках, так же как их предки, ездят со скотом своим с одного места на другое. Летом укрываются от жару в горах, где есть вода или колодцы. За такое летнее жилище платят они господам тех земель нечто определенное, которое они называют «Ейлаг». Напротив того, зимуют в степи при море, у р. Кура и при других малых реках, платя за паству определенную пошлину, называемую «Кизляг» (т. е. 'кишлак'). Понеже горные места принадлежат туркам, а степные россиянам, то они летом живут в Турецкой, а зимой в Российской области. Юрты их покрыты рогожами, сделанными из тростника, а от дождя обложены войлоками, кои кладут на верблюдов и волов, ежели захотят ехать в другое место. Впрочем, они добрые люди и никому обиды не чинят. Иные употребляют огнестрельное оружие; а другие — стрелы и луки, но токмо для собственной своей обороны“.⁴ Своими

¹ Читать название этой лезгинской крепости в Ширване, до сих пор не отождествленное с современными данными, надлежит „Хурс“. Название связано по происхождению с областью Хурсан и титулом Хурсан-шах и соответствует, по моему мнению, современному Хызр-зиндэ, около горы Беш-бармак; обоснование предлагаемого сближения требует более подробного рассмотрения имеющегося материала в другом месте.

² О нем см.: Kazembeg, I. c., pp. 571, 577.

³ О нем ср.: Kazembeg, I. c., pp. 518, 532, 571 и 577.

⁴ Ср.: Известие о находящемся с западной стороны Каспийского моря, между Астраханью и рекой Куром, народах и землях и о их состоянии в 1728 году. Сочиненное полковником Артиллерии Иваном Густавом Гербером, в „Сочинениях и переводах к пользе и увеселению служащих“, часть 2. СПб., 1760, октябрь, стр. 307—308.

сведениями Гербер обязан тому обстоятельству, что он был на Кавказе в течение 7 лет (1722—1729) и участвовал непосредственно, в качестве одного из комиссаров, в работах Комиссии по точному определению новых границ согласно русско-турецкому трактату от 12 июня 1724 г.¹ В районе арабских кочевий граница проходила по Куре, и от места слияния Куры и Аракса, у Джевата, направлялась по прямой линии, на расстоянии 50 верст, в северо-восточном направлении, к р. Пирсагат.² Учитывая все показания Гербера, мы можем локализовать район зимних кочевий арабов на пространстве между нижним течением Куры и Пирсагата, примерно на территории современного Али-Байрамлинского района Азербайджанской республики, а летних — к юго-западу отсюда, в сторону талышских предгорий. Главный интерес представляет у Гербера, без сомнения, определенность указания на происхождение описываемых им арабов из Персии; такая определенность могла бы, повидимому, служить основанием отнести время появления этих арабов в пределах Кавказа к эпохе не ранее XV—XVI вв. Аналогией для кавказских арабов послужили бы в этом случае арабы среднеазиатские, относительно которых существует мнение, что они выходцы из Афганистана и появились в местах нынешнего обитания в эпоху Тимура и Тимуридов.³ Как бы то ни было, следующее по времени авторитетное указание на существование на территории Кавказа сохраняющих родной язык арабов мы имеем в труде известного Аббас-Кули Бакиханова — „Гюлистан - и Ирем“ („Райский цветник“), составленном в 1841 г. на персидском языке и переведенном (повидимому, под наблюдением самого автора) на русский язык в 1844 г. В 1848 г. в № 1 тифлисской газеты „Кавказ“, уже после смерти автора (в 1846 г.), было впервые напечатано извлечение из вводной части труда, касающейся „происхождения племен, населяющих нынешние закавказские провинции“. Полное, к сожалению не вполне удовлетворяющее научным требованиям издание русского текста⁴ содержит интересующее нас место на стр. 13: „В Кубинском у. есть две, в Дербентском — одна и в Шекинском — две деревни, а в Ширванском — большое племя, носящие названия „араб“, вероятно, по происхождению своему. Одна отрасль этого племени в Ширванском у. и поныне говорит между собой арабским языком, а в дер. Дарваг, в Табасаране, недавно вышел он из употребления, но некоторые старики и теперь еще знают его“. Автор, местный житель, хорошо знакомый с современным ему положением восточного Закавказья, не называет, к сожалению, более точно тех селений или кочевий Ширвана, которые сохраняли в его время (30—40-е годы XIX в.) живую арабскую речь. Что касается селений денационализированных и утративших родной язык, то Бакиханов имеет в виду, несомненно, следующие: сел. Арабляр Дербентского у., сел. Араб (к северу от р. Вельвели) и сел. Араб (между рр. Гильгин и Ата-чай) Кубинского у. (оба селения, как и Арабляр, расположены недалеко от самого побережья Каспийского моря), сел. Араб-Уджах[и] и сел.

¹ О подробностях см.: Бутков. Материалы для новой истории Кавказа. I, СПб., 1869, стр. 58—62 и 87—98; Joh. Jac. Lerche. Lebens- und Reise-Geschichte, von ihm selbst beschrieben etc. Halle, 1791, p. 17, Anm.; размежевание производилось с 17 авг. 1725 по 12 дек. 1727 г.

² Ср. Бутков, указ. соч., стр. 59. Составленная Гербером, одновременно с „известием“ „ландкарта“, изданная при Академии Наук в 1736 г., представляет, судя по библиографическому указателю Миансарова (приведена у него под № 302 без имени автора и без указания местонахождения, но ср. у него же №№ 109 и 233), известную редкость; экземпляр ее имеется в библиотеке Ленинградского университета.

³ Ср.: Тезисы и содержание докладов второй Сессии Ассоциации арабистов. Л., 1937, стр. 28—29 (тезисы доклада С. Л. Волина — „К истории среднеазиатских арабов“).

⁴ Тр. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, № 4, Баку, 1926.

Арабская Арешского участка Шекинского (Нухинского) у. (на дороге из Ерменибазара в Турьянчай). „Большое арабское племя“ в Ширванском (Шемахинском) у. приходится искать, очевидно, в районе сел. Арабляр, расположенного во времена Бакиханова, судя по показанию 10-верстной карты Кавказа издания 1847 г., верстах в 10—12 к северу от Кюрдамира, на дороге из сел. Эльхасова в Ахсу. Путешествовавший осенью 1842 г. по Дагестану и Закавказью проф. И. Н. Березин воспользовался не только упомянутой выше статьей Бакиханова в „Кавказе“,¹ но и устными сообщениями его по этому предмету,² о чем можно заключить из слов его.³ „... мне говорили еще об арабском народонаселении верстах в 150 от Баку, но я решительно этому не верю“.⁴ К тому же свидетельству Бакиханова примыкают сведения статистика Ю. А. Гагемейстера:⁵ „Есть также [— scil. среди народонаселения Закавказья, —] и арабы; две деревни в Кубинском, одна в Дербентском, две в Шекинском и большое поколение в Ширванском уу. поныне называются «Арабами», и часть из них до сих пор говорит между собою испорченным арабским языком. Арабы эти были переселены сюда халифами, для утверждения их власти между покоренными народами. Так, например, в 755 г. 7000 семейств из Сирии и Аравии переведено было в крепости, построенные против хазар, на пути от устьев Терека в Кубу и Шемаху“.⁶

Обстоятельно рассматривает вопрос, на основании, главным образом, камерального описания Бакинской губ. 1859—1864 гг., автор лучшего, не утратившего своего значения по сей день „Этнографического очерка Бакинской губернии“ Н. К. Зейдлиц.⁷ „В горах и предгорьях Главного Кавказского хребта заметна еще одна народность, — пишет Зейдлиц,⁸ — с возникновением ислама появившаяся в край и здесь властвовавшая, но никогда не имевшая в нем многочисленных представителей — это аравитяне. Потомки этого семитского племени, почти совершенно утратившие свой язык, и до настоящего времени указываются в жителях некоторых кочевьев и деревень, преимущественно Шемахинского и Гекчайского уу., носящих название «Араб». Кочевья и деревни Араблар преимущественно воспитывают верблюдов, что доказывает, что верблюд распространен в крае арабскими его завоевателями“. Более детально останавливается на арабских кочевьях Зейдлиц несколько ниже:⁹ „Арабы оставили о себе память в наименованиях следующих населенных мест, по боль-

¹ В примечании к стр. 180, строка 6, 1-го издания 1849 г., его „Путешествия по Дагестану и Закавказью“, на стр. 99 отдела „примечаний“, читается: „Сборн. газ. Кавк. пер. пол. 1848, 3—4. Две деревни Кубинского уезда населены потомками Аравитян, а восточная часть Кубинского уезда занята тюркским племенем (Ibid. 4—5)“.

² О знакомстве с Бакихановым см. ук. соч., стр., 171.

³ Ук. соч., стр. 246.

⁴ Указание совпадает с мнением Бакиханова о „большом племени в Ширване“, ср. выше; кроме того, на стр. 53 и 67 отдела примечаний Березин воспроизводит, очевидно, показания Бакиханова, говоря в первом случае, что „жители местечка Дервак, находящегося в Табасаране на берегу речки того же имени, в 4 милях к северо-западу от Дербента, еще не так давно говорили только по-арабски. Может быть, они принадлежат к числу тех Аравитян, о которых говорит Масуди (E l-M a s. Hist. Epz. I, p. 462)“, а во втором, что „еще и ныне в Дербентском уезде находится одна деревня, которой жители называют себя Арабами“.

⁵ Новые очерки Закавказья. Журн. Мин. внутр. дел, 1847, часть XX, стр. 184.

⁶ Гагемейстер пользовался „Рукописной историей восточной части Кавказа“ Аббас-Кули Бакинского, упоминаемой по другому поводу далее в тексте его статьи, стр. 212 и 214, примеч.

⁷ Помещен в т. LXV „Списков населенных мест Российской империи“ (Тифлис, 1870) и вторично в „Кавказском календаре“ на 1871 г. (стр. 46—67).

⁸ Н. К. Зейдлиц. Этнографический очерк Бакинской губернии. Кавказский календарь на 1871 г., стр. 51—52.

⁹ Там же, стр. 65—66.

шей части кочевьев: большом кочевом обществе Араб-бала-оглан, часть которого живет в Бакинском у., а главная масса в Джевадском; в Джевадских кочевьях: А.-Ушаги, А.-Абдул Керим, А.-Мамед-Агалу, А.-Кардаш-Беглу, А.-Бабирханлу; в кочевьях Геокчайских и Шемахинских: А.-Джаберлу и * А.-Шахверди; Геокчайских: А.-Мехти-бека, А.-Сарван, А.-Ханэдан; Шемахинском: А.-Кадим; в Ленкоранской дер. Араб, и Кубинских деревнях: А.-Бабали (А.-Хаджи тож), А.-Кеймураз, А.-Гамья и А.-Али-Мамед. По свидетельству местных жителей, население всех этих кочевьев и деревень происходит от аравитян, завоевавших Закавказский край в VII столетии по Р. Х. В общей сложности в Бакинской губернии насчитывается по нашему списку народонаселения кочевьев и деревень Араблар 1680 дворов или кибиток, с 5510 д. м. п. и 4371 д. ж., всего 9881 д. об. п. Все это некогда арабское население говорит по-татарски, не сохранив и следов своего происхождения. Знание же арабского языка распространено у ученых и мулл в соседстве с Дагестаном, где и переписка производится на нем же... Что большинство кочевьев и деревень Араблар занимаются разведением верблюдов и извозом на них по краю, — мы заметили в главе о сельском хозяйстве и промышленности, указывая притом, что эта их отличительная черта также служит доказательством их бывших отношений к Аравии“.

Следуя Зейдлицу, известный этнограф-кавказовед, покойный Г. Ф. Чурсин писал в 1929 г.: „С прекращением арабского владычества арабские гарнизоны были отозваны из Закавказья, и здесь остались лишь рассеянные там и сям небольшие арабские поселки. Потомки этих арабов до сих пор проживают в некоторых селениях Азербайджана. Они давно забыли арабский язык и усвоили язык окружающего населения — тюркский. От их прошлого арабского быта у них сохранилось лишь их старинное любимое занятие — разведение верблюдов. В настоящее время эти отюреченные арабы сами считают себя тюрками“.¹

Сравнивая с вышеприведенными сведениями (относящимися ко времени до 60-х годов XIX в.) данные позднейшего времени о населении Закавказского края, нетрудно заметить постепенный рост количества населенных пунктов, включающих в составе своего названия элемент „Араб“; в 1886 г., по данным посемейных списков, насчитывалось 31 селение этого рода (с общей численностью населения 16823 чел.), в 1933 г. оказывается уже 35 таких селений (с численностью населения, однако, уменьшившейся против 1886 г. — 11640 чел.), причем главная масса их оказывается сосредоточенной в настоящее время в Кюрдамирском районе Азербайджанской ССР, в котором, наряду с Шемахинским районом, осели, повидимому, отмеченные у Зейдлица кочевники обществ Араб-бала-оглан и Араб-Шахверди.

Для полноты обзора сведений об арабских поселениях на Кавказе, встречаемых в доступных нам печатных источниках, следует упомянуть рассеянные в трудах путешественников рубежа XVIII—XIX вв. не всегда надежные, на наш взгляд, разрозненные замечания, указывающие на арабское происхождение тех или иных элементов населения Кавказа; все подобного рода замечания, извлеченные из путешествий ботаников Биберштейна и Стевена, в особенности же из трудов известного Клапрота, тщательно систематизированы в труде Хасселя.² На стр. 739—740 названного труда Хассель пишет, что население Дагестана состоит, между прочим, „aus Arabern, die grösstentheils von den Kolonien abstam-

¹ А. Ф. Ляйстёр и Г. Ф. Чурсин. География Закавказья. Тифлис, 1929, стр. 326.

² H a s s e l. Erdbeschreibung des Russischen Reichs in Asia usw. Weimar, 1821.

men, die von den Khalifen nach Eroberung des Kaukasus hierher geschickt wurden, gegenwärtig wohl 800 Familien. Sie halten sich Familienweise in einigen 100 Hütten zusammen usw.“ (далее — характеристика их быта по Герберу, ср. выше); в частности,¹ „das Gebiet (von Derbent) wird von Turkmanen und einigen Arabern bewohnt, die mit den Einwohnern der Stadt doch 4000 Familien ausmachen sollen“.² Население Кубинского ханства области Мюшкюр состоит частично из „umherziehende Araber“.³ В Ширване часть населения составляется „aus Arabern, nur eine geringe Zahl, die seit der Oberherrschaft der Khalifen in dies Land gezogen sind und wie in Daghestan ihr Hirtenleben festgehalten haben“;⁴ точнее⁵ указывается в Ширване: „der Distrikt Kerach, oder die Ebene an beiden Seiten des Persagat, von Arabern, Paddar und Turkmanen bewohnt, die hier in kleinen Hütten nomadisieren“. На названный труд Хасселя находим неоднократные ссылки в востоковедной литературе по Кавказу первой половины XIX в. (у акад. Френа, Дорна, d'Ohsson'a — в частности по вопросу об арабах на Кавказе).⁶ Злоупотребление этническим термином „араб“ у предшествующего по времени Герберу голландского путешественника де Брейна (был на Кавказе дважды — в 1703 и 1707 гг.) справедливо отмечается Г. Ф. Миллером:⁷ „Ле Брюн также пишет сие имя Низовой в своем описании путешествия (том I, стр. 14 и пр.; том. II, стр. 405). Тамошних жителей, которые проводили его в Шамахию, называет он Арапами, но в том ему последовать не должно“.

Арабами, поселившимися в Закавказье на правах завоевателей, не исчерпывались, однако, арабские элементы населения Кавказа. Мы имеем представляющее интерес исторического курьеза свидетельство ездившего по Дагестану в июле 1860 г. офицера генерального штаба Н. Глиноецкого об арабах-рабах в Дагестане, едва ли не последних по времени представителей арабоязычной по рождению и происхождению части постоянного населения Кавказа. „В Куссуре (аварское селение, расположенное в верховьях южнодагестанской р. Самур, — А. Г.) я встретил, — пишет Глиноецкий,⁸ — несколько арабов, которые принадлежали в полную собственность или, говоря прямее, были рабами некоторых из зажиточных тамошних жителей. Арабы эти обыкновенно покупаются в Турции горцами, отправляющимися на поклонение в Мекку; цена арабу, смотря по летам его, силе и красоте, изменяется от 35 до 50 рублей серебром. Раз купленный и привезенный в горы, араб делается полною собственностью своего господина, наравне с рабочим скотом; впрочем, по отзывам самих же владельцев арабов, эти рабы очень недолговечны и редко выживают в горах более пяти лет. Однако же, следует заметить, что рабов из арабов я видел только в горных магалах (т. е. в бассейне верхнего Самура, — А. Г.); во внутреннем же Дагестане я их нигде не встречал; что же касается до Закавказья, то, судя по словам Ибрагим бея [спутника Глиноецкого по путешествию], там только изредка встречаются арабы в услужении, но ими очень дорожат, потому что они чрезвычайно усердны, трудолюбивы и бывают вполне душою и телом преданы своим хозяевам“. Глиноецкий не приводит цифр, но следует полагать, что численность арабов-рабов не превышала нескольких десят-

¹ Hassel, l. c., p. 742.

² «Klaproth's Beschreibung der Russischen Provinzen des Kaukasus, p. 153.»

³ Hassel, l. c., pp. 752—753.

⁴ L. c., p. 762.

⁵ L. c., p. 768.

⁶ d'Ohsson. Des peuples du Caucase. Paris, 1828, p. 186, note XXII.

⁷ В примечании к Герберу (стр. 209 русск. издания) к слову „Низабат“.

⁸ Поездка в Дагестан. Военн. сб., т. XXIII, 1862, стр. 154—155

ков; когда в 1866—1867 гг. состоялось так называемое „освобождение рабов“ в Дагестане, то официально насчитано было в южном Дагестане всего лишь 44 раба — цифра явно преуменьшенная, что признавалось и редакцией „Сборника сведений о кавказских горцах, изд. при Кавказском горском управлении“.¹ По сообщаемым здесь сведениям, цена на рабов бывала значительно выше той, какую указывает Глиноецкий, а именно от 150 до 300 рублей (если только последний расчет не произведен на ассигнации).

Если непосредственное указание на бывшее арабское происхождение некоторых селений, представляемое элементом „Араб“ в составе самого названия соответствующего населенного пункта, можно признать в большинстве случаев не вызывающим существенных сомнений, то попытки, встречаемые в кавказоведной литературе, аналогичной интерпретации некоторых других имен, кажутся лишенными пока исторического основания. Наиболее ярким примером подобного сомнительного истолкования географических названий в угоду звуковым созвучиям представляются мне этимологизации названий селений Кала (Кара)-Курейш и Куруш, связываемых по происхождению с арабским племенным именем Курайш. Сел. Кала-Курейш, называемое иначе Ургмузда, известно как своими арабскими надписями (изданы в атласе Дорна), так в особенности тем, что оно служило древнейшей резиденцией кайтакских уцмиев; арабскую этимологию названия имеет, несомненно, в виду Дорн, пишущий в своем отчете по путешествию 1861 г. о „горной крепостце Кала-Курейш, которая в просторечии называется Кара-Курейш, а ошибочно Кириш“.² Козубский³ разъясняет категорически: „[—Кала-Курейш—] жительство первых уцмиев, производивших свой род от Корейшитов, откуда название, означающее крепость Корейшитов“. Сел. Куруш замечательно тем, что оно — высочайший населенный пункт на Кавказе, расположенный на высоте 2492 м над у. м. Посетивший его в 1892 г. А. В. Пастухов подробно сообщает „корейшитские“ предания об основании селения,⁴ а дагестанский ученый Х. Алкадарский упоминает эту же версию в своем обзоре арабского населения Кавказа, суммирующем сведения Бакиханова и его собственную осведомленность, в следующих строках: „...рассказывают, что селение Арабляр, находящееся в окрестностях Дербента, было местожительством стоявших здесь в то время арабов. Точно так же есть несколько таких же селений, называемых Арабляр, в Кубинском, Шемахинском и Нухинском уу. Также в Самурском округе было местожительством арабов сел. Куруш, название коего Куруш произошло от искажения названия племени Корейш. Даже в северной Табасарани предки жителей сел. Дарвах были арабы, и до начала последнего столетия у них был в употреблении своеобразный арабский язык, который затем был заброшен и забыт. Но аллах лучше знает.“⁵ С другой стороны, приходится думать, что и название „Араб“ сохранилось до наших дней далеко не во всех тех местах, где оно требовалось бы по обстоятельствам возникновения тех или иных населенных пунктов. В качестве характерного в этом смысле примера,

¹ Вып. I, Тифлис, 1868, отдел „Горская летопись“, стр. 49, примеч.**.

² Дорн. Отчет об ученом путешествии по Кавказу. Тр. Вост. отд. Археол. общ., т. VIII, стр. 278; также, отд. оттиск, стр. 34. Ср. замечание А. В. Комарова в „Записках Кавк. отд. Географ. общ.“, VIII (1873), в статье „Народонаселение Дагестанской области“, стр. 17, примеч.*.

³ Памятная книжка Дагестанской области, Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 327.

⁴ Зап. Кавк. отд. Геогр. общ., кн. XIV, Тифлис, 1894, стр. 202—203.

⁵ „Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа“, вып. 44, Махач-Кала, 1929, стр. 33.

интересного еще и в другом отношении, приведу, по словам Бакиханова,¹ следующий: „Шейх Молла-Юсуф Мускурский происходил из аравийской фамилии, пришедшей в VII в. гиджры из Медины в Карабаг, а оттуда переселившейся в Мускур (кубинской провинции). В VIII столетии гиджры там родился шейх Молла-Юсуф... Потомки шейх Молла-Юсуфа всегда пользовались в народе особенною почестью и уважением. Деревня, где был похоронен шейх и где живут его потомки, называется Шейхляр... он умер в конце VIII столетия“. Данный отрывок интересен, помимо указания на арабское происхождение по меньшей мере части населения сел. Шейхляр (или Шихляр, находится поныне в Хачмазском районе Азербайджанской ССР, с численностью населения в 1933 г. 67 чел.), еще и в том отношении, что служит подтверждением высказанному выше предположению о позднейшем появлении некоторых арабских элементов на Кавказе; в приведенном примере речь идет о поселенцах XIII—XIV вв.

Высказывая свое отрицательное мнение о достоинствах арабского языка, употреблявшегося до революции в дагестанской административной (добавим: и школьной) практике, А. Г. Туманский выражал общераспространенную в русских кругах на Кавказе тенденциозную оценку своего времени. Отнюдь не разделяя этой оценки по отношению к современному ему Дагестану, старший современник Туманского — Хасан-Эфенди Алкадарский² — совершает иную, также понятную в наших глазах ошибку. Он держится относительно исторического прошлого Дагестана того убеждения, что „они (речь идет о правителях и старейшинах Дагестана) вовсе не слушались ученых и порядочных людей. Есть также много других оснований полагать, что здесь со стороны правителей не было особой заботы о науке и школах, так как ни в одном селении или городе из многочисленных старинных книг нет заметных остатков и в течение тысячи лет после Гиджры нигде здесь не было собранной библиотеки. Даже выяснить, какие были ученые, получить о них письменный документ или достоверное предание стало предметом обследования. Из древних книг, встречающихся в местных школах и мечетях, видно лишь, что большинство их собрано и составлено в последние времена, главным образом, в начале XX века (XVIII века хр. эры), в эпоху корифея среди ученых Гаджи-Магомед-Эфенди ибн Муса Кудутлинского“. Акад. Бартольд, цитируя слова Алкадарского, отнесся еще в 1913 г. с некоторым недоверием к его утверждению, находя его „вероятно несколько преувеличенным“.³ По замечанию акад. Крачковского, „местная традиция не сохранила памяти о древнем периоде распространения арабского влияния в Дагестане; наоборот, она настаивает на том, что оно восходит не дальше как к концу XVII в.“⁴ Между тем, в европейской науке уже свыше 100 лет тому назад приводились, хотя и не комментировались достаточным образом, данные, свидетельствующие о чрезвычайно важных в культурно-историческом отношении фактах влияния арабской культуры и письменности на создание на восточном Кавказе местной письменности в эпоху значительно более раннюю, чем XVII в.

Еще в 1834 г. один из основоположников востоковедения в России, создатель Азиатского музея Академии Наук, акад. Френ в напечатанном им анонимно „Хронологическом списке некоторых армянских исто-

¹ Аббас-Кули Бакиханов. Гюлистан-и Ирем („Райский цветник“), стр. 172.

² Цит. Сб., стр. 156; ср. к приведенной цитате из русского перевода замечание акад. Крачковского в „Сборнике памяти акад. Н. Я. Марра“ (стр. 359 и примеч. 2).

³ Enzyklopädie des Islam, s. v. Daghestan.

⁴ Сб. „Памяти акад. Н. Я. Марра“, стр. 358.

риков, рукописные творения коих стоило бы отыскать и купить, с указанием важных рукописных сочинений из разных других литератур, к отысканию и приобретению коих мог бы представиться случай в Грузии и в других Кавказских странах“¹ писал следующее: „Что и лезгинцы имели свою литературу, — обстоятельство, бывшее доселе неизвестным, — мне только недавно объяснилось. На их язык переведены были некогда арабские сочинения. В числе таковых один известный писатель XIII столетия называет كتاب الامام الشافعي или «Книгу Имама Шафеи» и مختصر المنزلى или «Сокращение Музеня». Первое из сих сочинений есть многотомное творение, сочиненное упомянутым Имамом, умершим в 820 г. по р. х., о главных догматах ислама, по установленному им и по нем же названному обряду. Второе, излагающее побочные учения магометанского права по тому же обряду, есть одно из главных творений Шафеитов, коего сочинитель, умерший в 878 г. по р. х., назывался настоящим именем Исмаил. Лезгинский перевод сего последнего творения есть по всему вероятно Коран Исмаила, о котором Рейнеггс и другие этнографы Кавказа упоминают как о древнем арабском кодексе, на решения коего ссылаются лезгинцы во всех до право-ведения касающихся делах... Надлежало бы тщательно заняться отысканием сих обоих сочинений, равно как и других литературных произведений лезгинцев из древних времен, о прежнем существовании коих можно посему догадываться не без основания. Открытие таковых памятников ныне уже давно истребившейся образованности сего народа во многих отношениях, и в особенности для лингвистики, было бы весьма важно“.

Обращение Френа нашло отклик, но не там, где оно могло дать интересовавшие его практические результаты. В главном органе французского востоковедения, „Journal Asiatique“, появилась небольшая заметка (Note communiquée par M. Brosset) под заголовком „Sur la littérature des Lesgues“, воспроизводящая, без указания источника информации и с некоторыми погрешностями, вышеприведенные слова Френа и отредактированная таким образом, что могла ввести читателя в заблуждение по части авторства заметки:² в составленной в 1887 г. сыном Броссе „Bibliographie analitique des ouvrages de M. Brosset“³ данная заметка отнесена к числу оригинальных статей Броссе. Результатом заметки Броссе в „Journal asiatique“ было, в свою очередь, сообщение одного немецкого журнала (именно „Das Ausland“), что названные в труде Френа лезгинские переводы уже найдены. Имея в виду эти литературные отклики, Френ писал в 1845 г. в другом сочинении, сходного с „Хронологическим списком“ назначения, следующее: „Этого [—, т. е. находки переводов—], к сожалению, по сие время еще не случилось, хотя вышеупомянутое небольшое сочинение, посвященное литературам Кавказа [—, т. е. вышеназванный «Хронологический список армянских историков» —], было распространено во многих экземплярах в Закавказском крае. По сей причине я поместил из него оба эти нумера (т. е. «Книгу имама Шафеи» и «Сокращение Музеня») в предлежащем новом издании, так как некоторое число его экземпляров должно быть послано также в закавказские таможни. Будем желать и надеяться, что по крайней мере хотя один из этих любопытных древних памятников прежней лезгинской литературы найдется, быть может, опять в непродолжительном времени, что для предпринятого здесь

¹ Изд. Акад. Наук, СПб., стр. 8—9.

² Journal Asiatique, 3-me série, t. III, Mars 1837, p. 319.

³ См. p. 99, no. 55.

теперь грамматического обработки так мало еще известного нам языка сего народа было бы настоящим приобретением“.¹

Надежде Френа не суждено было сбыться до настоящего времени, что не может удивлять при знакомстве с общими условиями литературной традиции в Дагестане; трудно сказать что-нибудь об отношении к затронутому Френом вопросу каких-то „лезгинских рукописей“, упоминаемых в предисловии к книжке Альтманна,² однако вероятнее всего, что „лезгинский“ понимается здесь в неправоммерно расширительном смысле „дагестанского“. Из ученых, которым поручалось на месте воспользоваться библиографическими указаниями Френа и которые побывали на Кавказе и в Дагестане, следует отметить известных „путешественников по Востоку“, магистров Казанского университета Диттеля и Березина.³

Комментарий, которым Френ сопровождал интересное известие писателя XIII в., при всем остроумии сближения имен автора одного из двух арабских сочинений, переведенных некогда на „лезгинский“ язык, Исмаила ибн Яхья ал-Музани [это один из первых и наиболее популярных классиков шафиитского толка, скончавшийся в 264 г. хиджры (= 877/8 г.); его сочинение называлось полностью *مختصر المزنى فى فروع الشافعية*, т. е. „Компендий ал-Музани по отделам шафиитского учения“],⁴ с именем какого-то Исмаила, „Кораном“ которого, по сообщению Рейнеггса,⁵ пользовались судьи дагестанских селений Эрпели, Карабудахкент и Губден (находятся в северо-восточной части Дагестана, населены первые два кумыками, последнее — даргинцами), могло только дезориентировать читателя, поскольку оно основано на заведомо ошибочном, по крайней мере в данном случае, хотя и давно широко распространенном смешении понятий „лезгин“ и „дагестанец“. Между тем, тот источник, на котором основывался Френ, — арабский космограф Закария Казвини, написавший свое географическое сочинение „Памятники стран“ в 1275 г. н. э., — держится господствующей в классической арабской географической и исторической литературе точки зрения, согласно которой лезгинами (اللكزان) называлось население только южной части Дагестана, бассейна р. Самур, а также прилегающей с юга равнины, тянущейся по побережью Каспийского моря, между рр. Самур на севере и Ата-чай на юге. Арабский текст интересующего нас сообщения Закарии Казвини, с немецким переводом, но без комментария, напечатан был впервые акад. Дорном,⁶ а вслед за тем издан в составе всего труда арабского космографа, без перевода, Вюстенфельдом;⁷ незначительные разночтения и исправления,

¹ Ср.: Ф р е н. Некоторые указания, взятые большей частью из историко-географической литературы арабов, персов и турков, преимущественно для наших чиновников и путешественников в Азии. Изд. Акад. Наук, СПб., 1845, стр. XLIV—XLVI.

² Ср.: Die Wüstenharfe. Eine Sammlung arabischer Volkslieder. Nach in Russland befindlichen, zum Theil slawisirten, zum Theil latinisirten Codices zum ersten Male ins Deutsche übertragen von Dr. Julius Altmann. Leipzig, 1856. Книга известна мне лишь по статье акад. Крачковского — „Арабские рукописи в русских монастырях“ (ЗВО, т. XVIII, Пгр., 1915, стр. 126).

³ Ср. замечание Березина в предисловии к его книге „Путешествие по Дагестану и Закавказью“, изд. 1-с, 1849, стр. XI.

⁴ О Музани см.: Brockelmann. Geschichte der arabischen Literatur. I, 180, no. 2. Enzyklopädie des Islam, IV, p. 272, s. v. ash-Shafi'i.

⁵ Dr. J. Reineggs. Allgemeine historisch-topografische Beschreibung des Kaukasus. Theil I, 1796, p. 192.

⁶ Dorn. Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. V. Geographica etc. Mém. Acad., série VI, sc. polit., t. VII, St.-Petersb., 1847, pp. 567—568.

⁷ Zakariya Ben Muh. ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Hrsgs. von F. Wüstenfeld, Bd. 2 Göttingen, 1849, стр. 100.

представляемые изданием Вюстенфельда сравнительно с текстом использованной у Дорна старинной (1330 г. н. э.) рукописи, см. у Дорна в „Nachtrag zu den Geographicis Caucasiis“ (р. 657). Еще до Френа и Дорна на интересные сведения Казвини о двух лезгинских городах (ظاخر و شناس) обратил внимание в 1828 г. d'Ohsson.¹ Из труда Казвини эти же сведения почерпнул уже в XV в. позднейший географ Бакуви, содержание труда которого подробно, хотя и неточно, пересказал по-французски de Guignes еще в 1789 г.²

Текст сообщения Закарии Казвини в русском переводе гласит (ср. немецкий перевод Дорна):³ „ظاخر (у Бакуви — ظاهر; у d'Ohsson,⁴ ظاخر) — город большой, населенный, в шести переходах от Ганджи (جنزه). Он — главный город [—, гсп. столица, —] страны лезгия (لکزان). Холод в нем очень силен. Рассказал мне факих Юсуф ибн Мухаммад Ганджинский, что вода его [—, т. е. города, —] из реки, называемой Самур (ثمور). Она [—находится—] в замерзшем состоянии зимой и летом. Они ломают лед и черпают воду из-под него. А когда они почерпнут [—воду—] и нальют в кувшин, они помещают его в [—особую—] покрывку из бараньей шкуры, чтобы [—вода—] не замерзла тотчас же. А пища их [—состоит—] из злака, называемого сульт (السلت); он похож на ячмень по виду, а по качеству он имеет природу пшеницы. Нет торговли у них и нет торговых сношений [—друг с другом—], но каждый сеет от этого злака удовлетворяющее его количество и питается им и молоком своих овец и кислым молоком их; а одевается он от их шерсти. И нет главаря [—у них—], но есть у них хатиб [—, т. е. проповедник], который молится с ними, и казий, который разбирает тяжбы между ними по учению имама ал-Шафе'и, да ниспослет аллах ему свое благоволение. Жители этого города все шафеиты. В нем — медресе; основал его везир Низам ал-Мулк ал-Хасан ибн Исхак, да очистит аллах его душу. И при нем (т. е. училище) имеется учитель и факихи. И полагается каждому факиху в нем [—, т. е. училище, —] ежемесячно один баран и определенная мера сульта. Рассказывают, что они перевели «Компендий Музани» на лезгинский язык и подобно этому «Книгу имама ал-Шафеи» и занимаются ими обеими, аллаху споспешествуя“.

Дорн, транскрибирующий ظاخر посредством „Dsachar“, не поясняет, что это за город и существует ли он в настоящее время. D'Ohsson, читавший имя города „Takhar“, сближает это название с названием какой-то деревни „Takhir“; судя по пояснению („le village de Takhir, au bord d'une petite rivière qui va, du midi au nord, se jeter dans le Samour“),⁵ он имеет в виду современное сел. Тахирджал (ظاهررجال), расположенное на небольшом южном притоке Самура, километрах в 7—8 выше впадения его в Самур. Отожествление это совершенно произвольно и явно ошибочно: ни название, ни местоположение в сравнительно невысоких предгорьях, в стороне от нижней части р. Самур, не соответствуют описанию Казвини. Приурочить „главный город страны лезгин“ представляется, однако, делом нетрудным: под ظاخر Закария Казвини скрывается, очевидно, современный Цахур, лежащий высоко

¹ d'Ohsson. Des peuples du Caucase, p. 158.

² Notices et extraits des manuscrits du Roi, t. II, pp. 386—545; заметка о городе ظاخر на стр. 537, ср. еще ссылку у Березина (указ. соч. примечания, стр. 96 внизу).

³ Dorn. Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen, V, Geographica etc. Mém. Acad., série VI, sc. polit. t. VII, St. Pétersb., 1847.

⁴ L. c., p. 158

⁵ L. c., p. 159.

в горах, в верхней части долины р. Самур. Цахур, начальный звук названия которого представляет специфический для кавказских языков надгортанный аффрикат (отсюда колебания в передаче этого звука в наших источниках, в арабском между *ħ* и *ç*, в русском между *ц* и *з*), известен в имеющихся в нашем распоряжении арабских источниках с 1238 г. н. э. (или 636 г. х.): к указанному году относится древнейшая из найденных в 1850 г. в Цахуре Бартоломеем пяти старинных арабских надписей. К 1433 г. н. э. (или 836 г. х.) относится очень интересная в историческом отношении надпись, подробно повествующая об обстоятельствах сооружения крепости в Цахуре (زاخور); надпись была издана, переведена и комментирована Н. В. Ханыковым дважды.¹ Три другие надписи относятся: одна — к 1302 г. н. э. (= 701 г. х.), другая — к 1368 г. (= 770 г. х.) и третья — не датированная. Указанные находки позволяют, таким образом, утверждать, что уже с первой половины XIII в. существование как самого сел. Цахур, так и памятников арабской письменности в нем несомненно. Более определенные и подробные сведения по истории Цахура, чем отрывочные намеки надписей, относятся, впрочем, лишь к позднему времени, а именно к XVI и следующим столетиям; для этого времени в нашем распоряжении имеются: 1) серия шахских и султанских фирманов, дававшихся цахурским владельцам, начиная с 1562 г.;² 2) повествовательные источники на персидском языке по истории Сефевидов, Надира и Каджаров и их войн в Закавказье (основные материалы у Искендера Муяши и историков Надиршаха); 3) повествовательные источники на турецком языке (в особенности — Али-Челеби); 4) источники грузинские (так, например, о походе грузинского царя Теймураза I в 1628 г. в Цахур и Кусур нам известно по грузинским писателям Вахушту и Арчилу) и пр. По некоторым народным преданиям Цахур существует не более, не менее как 18 столетий и насчитывал первоначально до 2000 дворов;³ другой, более трезвый и положительный вариант предания⁴ об основании Цахура относит это событие к „500 годам магометанской эры“, т. е. к XII в. н. э., что вполне согласуется с историческими данными. Различные предания, связанные с историей Цахура XVI—XVIII вв., сведены в так называемый цахурами-любителями родной старины „тарих“, на арабском языке, встречаемый в настоящее время в рукописях в Цахуре, Сувагиле и других цахурских селениях; копия „тариха“, снятая по моему поручению в 1933 г., имеется и в Ленинграде.

Бассейн верхнего течения Самура выделяется вообще в Дагестане обилием древних памятников арабской эпиграфики: в Гельмеце, расположенном на Самуре в 6 км ниже Цахура, найдены были в том же 1850 г. две куфические надписи (одна из них датирована 557 г. х. = 1162 г. н. э.), в Лучеке (12 км ниже Гельмеца) — две, в Рутуле (15 км ниже Лучека) — семь (с датами 572, 625, 683, 910 гг. х.), в Зырыхе (Ханыков пишет Зуроглу, Zouroglou, 10 км ниже Рутула) — две (563 и 615 гг. х.), в Ахтах — две (одна — времен ширваншаха Халил Улла, XV в., другая — 1039 г. х.). Некоторые из надписей, обнаруженных Бартоломеем

¹ См.: газ. „Кавказ“ за 1851 г., № 25; idem. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. Journ. Asiat., Paris, 1863 (отд. отд., pp. 84—85).

² Напечатаны частично у Берже, в приложении к т. II „Актів Кавказской археографической комиссии“ (Тифлис, 1863).

³ Запись И. Линевича в 1878 г., см. его статью „Бывшее Елисейское султанство“ в „Сборнике сведений о кавказских горцах“ (вып. VII, стр. 10); в наше время, в 1932 г., в Цахуре насчитывалось 160 домохозяйств с населением 831 чел.

⁴ Ср.: А. фон Плотто (со слов некоего Гаджи Баба-эфенди) в его статье „Природа и люди Закатальского округа“ (в цит. Сборнике сведений о кавказских горцах, вып. IV, стр. 10).

в 1850 г., следовательно до известного переселения всех селений, расположенных в долине Самура выше Лучека, на приалазанскую равнину в Закавказье в 1852 г., в настоящее время, повидимому, приходится считать погибшими: при принудительном переселении аулы (в том числе и Цахур) разрушались артиллерийским огнем из орудий большого калибра и восстановлены в нынешнее состояние в 1860—1861 гг. из обломков и развалин, сохранившихся кое-как на месте. Однако и сейчас еще не исключена вероятность обнаружения неучтенных в существующей литературе древних эпиграфических памятников на арабском языке в этом же районе; по крайней мере в 1933—1935 гг. нам приходилось встречать указания местных жителей на „куфические“ надписи в Ихреке, Шиназе и других аулах бассейна Самура; к сожалению, как плохая сохранность виденных нами надписей, так и расположение некоторых из них в труднодоступных местах препятствовали снятию эстампажей или требовали, по меньшей мере, специальной затраты значительного труда и времени. Отожествлению „главного города страны лезгин“ с современным Цахуром, с точки зрения точной этнографической классификации, могла бы на первый взгляд помешать принадлежность современных цахурцев к особой, отличной от лезгин, языковой группе (к ней принадлежит в бассейне Самура население ряда селений, начиная от Гельмеца и выше по течению реки, вплоть до Кусура, где жители — уже аварцы по языку); означенное затруднение представляется тем не менее несущественным, в виду того, что называемый тем же Закария Казвини Шиназ (по Казвини — „городок из [— числа —] городов Лезгин“) также не лезгинское в строгом смысле этого термина, а рутульское по языку селение. Как это последнее обстоятельство, так и ряд иных данных арабских географов, космографов и историков не оставляют сомнения в более широком значении термина „лезгин“ в мусульманских источниках IX—XIII вв. сравнительно с современным, как уже было упомянуто выше.

Что касается реального значения слова *السلت*, как названия особого злака, служившего главной растительной пищей в Цахуре и Шиназе, то следует заметить, что в толковании его арабскими лексикографами замечается некоторое расхождение между большинством источников, указывающим (по справке, обязательно сообщенной мне акад. Крачковским) значение 'ячмень' и испано-арабскими авторитетами (согласно Dozy), толкующими этот термин в смысле 'ржи'. Речь идет, очевидно, о какой-то особой зерновой культуре, быть может той, которая известна ныне в горах под названием „голового ячменя“ (местное название звучит ныне „маар“, *معر*); культура эта признается местными жителями древнейшей из существующих и некогда весьма распространенной, а сейчас сохраняемой лишь как пережиток прошлых времен.

Приведенное известие Казвини ставит нас перед фактом значительного арабского влияния на население южного Дагестана; кажется возможным сравнить его, в известном отношении, с влиянием византийско-греческим на Киевскую Русь в X—XI вв. Оно совершенно опровергает популярное представление о позднем развитии местной дагестанской, пользующейся арабскими языком письменности, выразителем которого оказался в конце XIX в. Хасан Алкадарский. Но это же известие ставит перед нами трудную историческую проблему, сущность которой сводится: 1) к точному определению территориальных и хронологических границ и ближайших условий возникновения южно-дагестанского „кавказско-арабского“ культурного очага, случайным отзвуком былой жизнедеятельности которого остается для нас известие Закария Казвини; 2) к определению культурно-исторической обстановки в северном Дагестане в конце XVI и в начале XVII в. и тех непосредственных причин, которые выз-

вали здесь своеобразный „ренессанс“ средневековой арабской культуры на Кавказе и создали, в конечном счете, тот воинствующий во имя идей париата, глубоко враждебный иноземному (безразлично как русскому, так и персидскому) культурно-политическому влиянию Дагестан Гази-Мухаммада (Кази-Муллы), Гамзата и Шамиля, каким его знает позднейшая (XVIII—XIX вв.) научная и популярная литература. Здесь не место входить в детальное рассмотрение этой проблемы и средств для ее научного решения. Следует все же оттенить решающее, на наш взгляд, значение, в процессе перемещения центра арабизма на Кавказе из южного Дагестана в северный, событий, сопутствовавших военным столкновениям периода начала персидско-турецко-русской борьбы за политическое господство на восточном Кавказе во второй половине XVI и первой половине XVII в. Как отметил в свое время Н. В. Ханыков, северная граница заметного арабского культурного влияния проходила в эпоху XII—XIII вв. примерно на широте Дербента (т. е. по водораздельному хребту, отделяющему бассейн р. Сулак и его притоков на севере Дагестана от бассейнов рр. Самур, Гюльгерычай и Рубасчай на юге). „Мы видим, — писал Ханыков по поводу древних эпиграфических следов арабского влияния на Кавказе,¹ — что из 85 персидских и арабских надписей, собранных на Кавказе, значительно больше половины (51) принадлежат Дербенту, Дагестану и Кубинскому округу“. В XVII—XVIII вв. мы замечаем, в противоположность эпохе до XVI в., в качестве очагов возрождения арабизма преимущественно районы к северу от указанной границы. Таким образом из древнейших известных деятелей этого возрождения трое — аварцы по национальности, родом из близких друг другу селений Кудутль, Аймаки и [—общества—] Карах [—располагалось в среднем течении р. Кара Койсу—], трое — даргинцы, из сел. Акуша и соседних с ним селений Муги и Усиша.² Имена этих деятелей: 1) Гаджи-Магомад-Эфенди ибн Муса Кудутлинский (ум. в 1708 г.); 2) Таиб Карахский, современник Гаджи-Магомад-Эфенди; 3) Гаджи-Абубекр-Эфенди ибн Моавия Аймакинский (ум. в 1790 г.); 4) Дамадан-Эфенди Мугинский, современник Гаджи-Магомад-Эфенди; 5) Гаджи-Дауд Усишинский (ум. в 1758 г.) и 6) Магомад-Кади ибн Муса Акушинский (ум. в 1790 г.).

Процесс постепенной исламизации Дагестана представляется в следующем виде: соседящие с юга с Табасараном, обращенным в Ислам по традиции уже в VIII в., а с запада с Кумухом, обращенным по преданию в 161 г. хиджры (т. е. 777 г. н. э.), кубачинцы, бывшие еще в XII в. язычниками и сохранявшие любопытные погребальные обычаи (они обсуждались в научной литературе неоднократно, в последний раз акад. Бартольд),³ могут считаться окончательно вовлеченными в орбиту мусульманского религиозно-политического влияния лишь с начала XV в.: найденная Дорном в 1861 г. надпись 807 г. х. (= 1404—5 г. н. э.) относится ко времени принятия ими мусульманства.⁴ Мы знаем, что расположенный далее к северу Акушинский район (Ашкүджа у Шарафадина Йезди) был еще в конце XIV в. населен немусульманами. Что здесь, быть может, распространено было не только язычество, но и христианство (а именно вплоть до XVI—XVII вв.), — дают повод думать,

¹ Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. Journ. Asiat., Paris, 1863 (отд. отд. стр. 21).

² Алкадарский, цит. Сб., стр. 156—158.

³ ЗВО, т. XIII, стр. 0101—0104; здесь же см. указания на основную предшествующую литературу.

⁴ Ср. разъяснения Дорна в Bulletin de l'Académie des sciences de St. Pétersbourg (t. XIX, 1874, p. 307); древнейшая из надписей соседящего с Кубачами с севера Кала Курейша датирована 826 г. х. (1422—3 г. н. э.), ср. ibid.

с одной стороны, находящаяся в близком к Акуше Гидатле (аварское общество, расположенное по течению Аварского Койсу) христианская часовня в Датуне, построенная, по свидетельству Гаджи-Али Чохского, в 880 г. х. (т. е. 1475 г. н. э.), с другой стороны — недавние находки древних надписей на грузинском или сходном с ним алфавите в нескольких пунктах северного Дагестана; последняя по времени находка, сделанная в 1933 г., имела место в аварском сел. Чох, расположенном к западу от Акуши, на большой глубине под землю (надпись, судя по плохой копии от руки, из 6 строк, грузинским уставным письмом). В конце XVI в. турецкий историк Али-Челеби рисует авароязычную часть подданных шамхала в самых мрачных красках и приписывает им общность жен. Для конца XVII в. мы имеем свидетельство писавшего уже в XVIII в. грузина Вахушта о соседящих с ними дидойцах как об идолопоклонниках, соблюдающих обычай снохачества; то же самое подтверждается в 20-х годах XVIII в. Гербером,¹ сообщаящим, кроме того, о соседних дидойцам так называемых андо-дидойских племенных группах такие подробности, которые полностью подтверждают его собственное суждение: „...они, хотя и последуют сунской секте и называются муслиманами, однако имеют притом многие языческие обряды и в самом деле больше идолопоклонники, неже мусульмане“.² Таким образом мусульманский прозелитизм северного Дагестана конца XVII — начала XIX в. оказывается типичным прозелитизмом неопитов, лишь недавно обращенных в ислам: традиционная для XIX—XX вв. концепция о древнем распространении ислама среди горского населения Дагестана оказывается именно для большей его части чистой фикцией.

На стр. 19—20 своей брошюры А. Г. Туманский предлагает вниманию читателей собственный перевод образца древнеарабской доисламской поэзии. Нельзя не заметить с сожалением, что избранный им для перевода текст решительно никакого отношения к непосредственной теме работы не имеет. Между тем, среди дошедших до нас образцов древнеарабской поэзии без труда отыскиваются такие, которые могут способствовать уяснению различных моментов прошлого Кавказа. В качестве интересного в историко-этнографическом отношении примера назову известные стихи поэта Абдуррахмана ибн Джуманы ал-Бахили, посвященные могилам его знаменитых соплеменников — Сальмана ибн Раби'а и Кутейбы ибн Муслима. С именем первого из них связываются в традиции наиболее древние события арабо-хазарской борьбы за обладание восточным Закавказьем и Дагестаном, относящиеся к эпохе первых халифов (40—50-е годы VII в.). Трагическая гибель Сальмана со всеми сопутствовавшими ему (по преданию в количестве 4000) воинами имела место где-то в равнинной части северного Дагестана, севернее Дербента. В написанных по этому поводу стихах Ибн Джуманы говорится:

„Есть у нас две могилы: могила Баланджара и могила в Синистане. О, удивительные могилы!

„Тот, который [— похоронен —] в Сине — всеобъемлющи были его завоевания, а тот, который у турок, то при его помощи добывается [— дождевая —] влага“.

Цитирующий приведенные стихи Ибн Джуманы историк IX в. Ибн Кутейба объясняет смысл их следующим образом:³ „Убили Сальмана

¹ Указ. соч., стр. 131, 132.

² Указ. соч., стр. 134, 135.

³ См.: Ibn Coteiba's Handbuch der Geschichte, hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1850, p. 271, cf. p. 277.

в Баланджаре в стране турок в халифат Османа... и говорят, что кости его у баланджарцев [— хранятся —] в гробу. Когда не выпадает у них [— букв.: задерживается над ними, —] дождь, они выносят его [— т. е. гроб —] и испрашивают при посредстве его дождь и получают его [— букв.: орошаются —]“. С незначительными вариантами те же стихи приводятся у Балазури,¹ Ибн ал-Факиха,² и наконец, у Якута, в двух местах его „Географического словаря“.³ Якуту принадлежит более подробное, чем у Ибн Кутейбы, объяснение смысла стихов: „Он [— т. е. поэт —] имеет в виду, что турки или хазары, после того как они убили Сальмана ибн Раби'а и товарищей его, наблюдали каждую ночь великий свет над местом их убийства. И говорят, что они похоронили их и взяли Сальмана ибн Раби'а, и поместили его в гробу, и отправили в свой храм [— собств. дом поклонения —]. Когда же они бывали поражены засухой или страдали от нее, они выносили гроб и снимали с него покров и получали дождь“,⁴ при второй цитате⁵ короче: „поместили его в гробу и затем испрашивали при помощи его дождь, когда страдали от засухи“.

В связи с приведенными толкованиями стихов Ибн Джуманы Ибн Кутейбой и Якутом, прежде всего, естественно, вспоминается другой, известный по арабским источникам аналогичный пример магической роли костей покойника в хазарском быту: имею в виду интересный рассказ Ибн Хаукаля⁶ о споре двух юношей за наследство, причем для определения законного претендента вырытые из могилы истлевшие кости отца одного из них поливались кровью спорящих. Подобным образом кости первого арабского полководца, погибшего в борьбе за торжество ислама в горах Кавказа, испытали у северодагестанских хазаров курьезную судьбу — служить магическим средством борьбы с бездождем и засухой. Неясно, ограничивались ли баланджарцы открытием костей Сальмана и выставлением их под открытым небом, или — что быть может случайно опущено в наших источниках — они еще и погружали их в воду. В пользу первого понимания говорит аналогия суеверия, существующего до наших дней у населения нагорного Дагестана,⁷ нагорной Чечни и Ингушии, объясняющего дождливую погоду тем, что где-либо лежат непохороненными на поверхности земли кости покойника; в случае же засухи практикуется выбрасывание на землю костей из старинных могильников, в изобилии разбросанных в горах, так называемых в Ингушии „кашамаш“. Погружение костей покойника в воду практиковалось до недавнего времени с магической целью у сванов, карачаевцев, абхазов, черкесов и русских Северного Кавказа. Магическая роль костей в деле вызывания дождя, притом (что для аналогии с разбираемым историческим примером особенно любопытно) по преимуществу костей людей, чем-либо выдающихся (самоубийц, убитых молнией, сектантов, чужеземцев), из-

¹ Liber expugnationis regionum, p. 70f. Ср. неточный перевод у Жузе (Мат. по ист. Азербайджана, вып. III, Баку, 1927, стр. 141).

² BGA, V, p. 74v. Ср. перевод у Караулова (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXXI, стр. 13).

³ Изд. Вюстенфельда, t. I. pp. 771 и 770. Перевод первой из названных цитат у Barbier de Meynard (Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse etc. Paris, MDCCLXI, p. 72).

⁴ L. c., p. 770.

⁵ L. c., p. 770.

⁶ BGA, II, p. 74v. Ср. перевод Караулова (цит. Сб., вып. XXXVIII, стр. 111).

⁷ Ср. замечание одного из участников научной экспедиции в Дагестане в 1923 г. в журнале „Новый Восток“, № 5 (М. 1924), стр. 250, примеч. 2. „Следует отметить, что сильно затруднявшую раскопки дождливую погоду местные жители (сел. Урода в Хидатле), как и в других местах Дагестана, считали прямым следствием нарушения покоя древнего кладбища, но на этот раз участвовали в раскопках весьма охотно, так как перед этим Хидатль сильно страдал от засухи“.

вестна, конечно, не только этнографам Кавказа;¹ по связи территориальной и в силу культурно-исторического преемства судьба останков арабского полководца дает тем не менее небезинтересное указание на бытовые черты северодагестанских хазар, укрепляющее тезис об исконном этнографическом единстве населения северо-восточного Кавказа, неоднократно высказывавшийся в кавказоведческой литературе.

Не менее интересны для характеристики быта арабского гарнизона в Дербенте в ту же раннюю эпоху первых халифов, к которой относится деятельность Сальмана ибн Раби'а, стихи Сураки ибн Амра, по прозвищу Зу-нун, также приводимые у Якута.² Сурака ибн Амр был, по свидетельству Табари,³ непосредственным участником военных действий на Кавказе, и стихам его присуще значение автобиографическое. По этому поводу уместно подчеркнуть особое значение тех письменных источников на арабском языке, которые обязаны своим происхождением авторам, посещавшим Кавказ и знавшим его по непосредственным собственным наблюдениям на месте. Эти авторы могут быть поставлены в ряду тех позднейших по времени восточных и западных путешественников по Кавказу, описания которых играли и играют до настоящего времени столь выдающуюся роль в научных исследованиях прошлого народов Кавказа. К сожалению, ближайшие обстоятельства биографии целого ряда арабских географов и путешественников остаются для нас недостаточно выясненными, и мы не можем судить с полной достоверностью об источниках их информации (таковы Ибн ал-Факих, Ибн Хаукаль и др.). К числу немногих авторов, о пребывании которых на Кавказе мы можем заключать с полной достоверностью, принадлежит Абу Хамид Мухаммад ал-Андалуси ал-Гарнати (1030—1170), побывавший в Дербенте и на западном побережье Каспийского моря в промежутке между 1130 и 1160 гг. н. э. и описавший свои путешествия в 1162 г. в Мосуле в книге под заглавием „Подарок для сердец и собрание диковинок“. В оценке достоверности сообщений этого автора мнения авторитетных ориенталистов резко расходились: с одной стороны, мы видим Сильвестра де Саси, Кюртона, Фаньяна, акад. Бартольда, считающих ал-Гарнати „довольно сомнительным“, по выражению акад. Бартольда,⁴ автором; с другой стороны, акад. Френ, Дорн, Г. Якоб, в последнее время Г. Ферран, издатель полного текста путешествия,⁵ отмечают значительный культурно-исторический интерес его сообщений. Кавказоведы должны, без сомнения, полностью присоединиться к последнему мнению: ал-Гарнати дает нам возможность судить о таких сторонах современного ему быта населения Дагестана, каковые оставались бы без него совершенно недоступными нашему суждению. Сведения, сообщаемые им о кубачинцах, обсуждались в научной литературе со времен Френа,⁶ что же касается рассказа его о табасаранцах, то он привлек к себе меньшее внимание. Между тем, мы имеем возможность полностью подтвердить путем анализа этого рассказа точность и надежность его ин-

¹ Ср., например: Дж. Фр э з е р. Золотая ветвь. Перевод с однотомного издания Глана, под ред. проф. В. К. Никольского, вып. I. М., 1931, стр. 89—90, где, на ряду с кавказскими параллелями, примеры из Новой Каледонии, Европейской России и т. д.

² L. c., pp. ƒƒi—ƒƒr Перевод их дан по-французски Ханыковым в цит. статье „Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase“, напечатанной в „Journal Asiatique“ (Paris, 1863).

³ Annales, t. I., p. 717 sq.

⁴ ЗВО, т. XIII, стр. 0101.

⁵ См.: Le Tuhfat al-Albâb de Abu Hâmid al Andalusî al Ġarnâtî..., édité par Gabriel Ferrand [extrait du Journal Asiatique juillet—décembre 1925, Paris, MDCCCCXXV].

⁶ Fr ä h n. Ueber ein merkwürdiges Volk des Kaukasus, die Kubetschi. Bull. sc. Acad. Sc., IV, 1838.

формации и проследить вместе с тем поучительную историю постепенной трансформации одной древней местной культовой легенды.

Ал-Гарнати рассказывает:¹ „В странах Дербенда Баб мин ал-Абваб [—имеется—] народ, называют его Табарсалан. В нем [—, т. е. Дербенде—] — 24 волости. В каждой волости [— есть —] главный начальник, подобный эмиру. Они мусульмане. Обратились они в ислам во времена Масламы ибн Абд ал-Малика, когда послал его Хишам ибн Абд ал-Малик, в то время, когда возложено было [— на него —] халифское достоинство. И он [— т. е. Маслама —] завоевал Баб ал-Абваб, и обратились в ислам при содействии его многие народы, так, например, Лакзан (اللكزن), Филан (والفيلان), Хайдак (والخيداق), Зуклан (والزقلان), Гумик (والغميق), Дархах, (والدرهاه). Среди этих народов [— насчитывается —] 70 народов, у каждого народа [— особый —] язык. А когда вознамерился [— Маслама —] уйти, после того как он поселил в Дербенде 24 тысячи домов из арабов [—, выведенных —] из Мосула, Дамаска, Химса, Тадмура, Халаба и прочих стран Сирии и Месопотамии, сказали ему табарсаланцы: «О эмир, мы боимся, когда ты удалишься от нас, что [— снова —] отпадут от религии эти народы и мы будем бедствовать [—, находясь —] в соседстве с ними». Тогда извлек Маслама меч свой и сказал: «Мой меч [— да будет —] посреди вас. Оставьте его здесь. Пока он будет пребывать посреди вас, не отпадет от религии из этих народов ни один». Затем они сделали для меча его нечто подобное часовне [— собственно михрабу, нише в мечети, показывающей положение кыблы —] из скалы и поместили его [— меч, —] внутри ее [— т. е. часовни, —] на холме, там, где он [— т. е. Маслама —] располагался лагерем. И он [— меч —] в настоящее время остается в этой стране. Паломничают к нему люди. Если кто-либо направляется к нему, то, если случится зимнее время, не возбраняется одеваться в голубые и другие одежды, а если случится во время жатвы, то возбраняется, чтобы посетил его кто-либо, кроме как в белой одежде. Ибо если он посетит его не в белой одежде, наступает частый дождь и гибнут посевы и портятся плоды. Это предписание распространено [— среди них —]“. Приведенный рассказ ал-Гарнати воспроизводится в последующей арабской литературе неоднократно, прежде всего у усердного пользователя его сочинения, упоминавшегося выше писателя XIII в. Закария Казвини. У него читаем:² „А вне города [— речь идет о Дербенде—] [—имеется—] холм. На нем [—расположена—] мечеть, в михрабе ее [— хранится —] меч. Говорят, что он — меч Масламы ибн Абд ал-Малика ибн Марвана. Паломничают к нему люди, и не совершается паломничество к нему иначе, как в белых одеждах. Ибо если кто направится к нему в цветной одежде, — наступают дожди и ветры, и едва не погибает то, что [— находится —] вокруг холма. На нем [— т. е. холме, —] — охрана, они удерживают того, кто идет к нему в цветных одеждах. А по близости от этого холма — источник; выходят люди к нему каждую ночь пятницы и видят во [— время —] некоторых ночных молений в этом источнике сияние и свет до такой степени, что им становится видными голыши и камень [—, scil. находящиеся на дне

¹ См. арабский текст у Ferrand (l. c., pp. 82—85); ср. сокращенный французский перевод у Barbier de Meynard (l. c., p. 69, nota 1) и полный немецкий перевод у Дорна в „Bulletin de l'Académie des Sciences“ (t. XVIII, pp. 308—309), а также в „Mélanges Asiati-ques“ (t. VI, pp. 699—700).

² Ср. текст у Дорна в „Geographica Caucasia“ (p. 48?), а также в „Nachtrag zu den Geographica Caucasiis“ (pp. 655—656), где разночтения по изданию Казвини, сделанному Вюстенфельдом (см. Zakariya Ben Muh. ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Hrsg. von Wüstenfeld, Bd. II, p. 342); немецкий перевод у Дорна (ibid., pp. 535—537); английский перевод, с воспроизведением части оригинального текста по изданию Дорна, у Казембека (Derbend Nâneh, p. 565).

источника —]. И они называют этот источник источником воздаяния“¹. В XV в. эта легенда принимает под пером Абу Абдаллаха Мухаммада ал-Химьяри (в сочинении „Весьма благовонный сад“) следующий вид: „Еще в этой стороне [—, т. е. Табарсаране —], в одной пещере, находится меч, тамошние жители говорят, что это — меч Масламы, из числа мусульман, покорившего эту страну. Народ этой страны весною приносит в пещеру всякого добра и подаяния, пелеринствуют к этому мечу и делают новые ножны. Когда несут ножны в пещеру, берут с собою около пудовки пшеницы и, идя, бросают ее по земле, пока вложат в новые ножны меч, и тогда возвращаются домой. Удивительно, что из брошенной пшеницы не находят в земле ни одного зерна“¹.

В XVII в. турецкий полигистор Хаджи Халифа, сохранивший нам приведенный рассказ Химьяри, со своей стороны сообщает,² ссылаясь на Абу Хамида (ал-Гарнати), но явно извращая его показания, следующее: „После того как Маслама захватил Баб ал-Абваб и Табаристан (= Табарсаран), Хишам ибн Абд ал-Малик прибыл в эти земли. Когда он собирался уехать, наместник страны попросил у него оставить в стране какой-либо след [—, scil. своего пребывания —]. Хишам дал свой меч, а они соорудили над ним камень наподобие михраба и поставили на возвышенном месте. Продолжительное время народ совершал к нему паломничество“. Бакиханов³ сопровождает эту цитату замечанием: „По словам очевидцев, в верхнем Табасаране Харакского магала, близ деревни Джурдаф, в одной пещере находится кинжал, куда окрестные жители ходят на поклонение и приносят жертвы. Вокруг этого места земля считается священной, где всякий безопасен от грабительства, насилия и кровавой мести. Можно думать, что сабля Гушшама [—, scil. Хишама, —] есть тот кинжал, который по давности времени и отдаленности места от Абу Гаммида [—, scil. ал-Гарнати, —] назван им саблею“. Сходный комментарий предложен почти одновременно с Бакихановым (в 1844 г.) Казембеком:⁴ „Похожее предание сохраняется до настоящего дня среди обитателей Дербента и Дагестана; оно гласит, что Маслама [—, или, как обычно называют, Абу Муслим —], возвращаясь в Сирию, оставил свой меч в одной пещере в память о торжестве ислама в Дагестане и т. д. и что этот меч был видим в течение многих веков, пока он, наконец, не исчез. Этому мечу и пещере они приписывали многие чудеса, настолько, что жители страны стремились приносить туда свои дары и испрашивать милости бога в минуту нужды“. В 1872 г. впервые непосредственно от местных жителей (Казембек и Бакиханов дальше Дербента не были) был записан вариант предания, своей подробностью и топографическими указаниями связывающий предание с реальным бытом населения. Предание было записано известным исследователем горских языков П. К. Усларом от уроженца сел. Ханаг, муллы Селима, и опубликовано в 1912 г. А. М. Дирром.⁵ Говоря о народном самоназвании табасаранцев (так кстати замечу, называли себя только северные табасаранцы), Бумзумар, гсп. Буннар, Услар добавляет: „Мы приводим здесь легенду, относящуюся до Буннар и известную каждому табасаранцу,

¹ Цитировано по русскому переводу И. Березина (Путешествие по Дагестану и Закавказью. Изд. 1, 1849, примечания, стр. 102—103) текста Химьяри, сделанному с константинопольского издания Хаджи Халифы (جهان نما, р. 403); ср. у Казембека (I. с., р. 565) часть турецкого текста и английский перевод.

² См. جهان نما, р. 400; приведено у Казембека (Derbend Nâmeh, р. 564) в оригинальном тексте и английском переводе.

³ А б б а с - К у л и Б а к и х а н о в. Гюлистан-и Ирем („Райский цветник“), стр. 44.

⁴ Derbend Nâmeh, р. 565.

⁵ А. М. Д и р р о м. Неизданный труд барона Услара о табасаранском языке. Изв. Кавк. отд. Русск. геогр. общ., т. XXI, стр. 43—44.

хотя, быть может, с некоторыми вариантами. Не в дальнем расстоянии от границы Табасарани с Джукв-улке [—, Кайтагом —], в долине Рубаздинир (р. Рубас), вблизи аула Улудз, находится опустелое ныне место, на котором видно много кладбищ и развалин аулов. Это место называется Бунна. Здесь некогда жило богатое и могучее семейство, которому вверено было охранение знаменитейшей табасаранской святыни — меча (кинжала?) Абу Муслима, первого арабского завоевателя Дагестана и первого установителя в нем исламизма. Меч до сих пор хранится вблизи Чвурдафа, на урочище Турил йишв [—, место меча —]. Рассказывают, что он становится видимым только тогда, когда его берет в руки правдивый человек, но при этом каждому из смотрящих представляется в особенном виде. Последними представителями фамилии, в продолжение многих веков охранявшей священный меч, были семь братьев, богатых и сильных, и одна сестра девица. Братья переселились из Улудза в Хучна [—, Хучни, —] и оттуда, пользуясь недоступностью положения, делали тяжкие поборы со всех проезжающих. Жители, однако, не смели открыто напасть на братьев, но вступили в тайные переговоры с сестрою, которая желала выйти замуж за сына старшины Ругуджа, на что братья не соглашались. Сестра, по наущению жителей, испортила соленой водою ружейные стволы у братьев; тогда жители напали на них, убили шестерых, а седьмой, тяжело раненый, отнесен был в Ругудж. Находясь на смертном одре, он сделал призыв народу — отомстить за него сестре. Жители пяти селений приняли его сторону. Сестра заперлась в Кыз-Кала (девичья башня), которою овладели ополчившиеся, и сестра была умерщвлена. Чтобы наградить мстителей, умирающий всем пяти селениям завещал богатые дары, которые до сих пор известны в народе по фамильному имени завещателя: а) сел. Ханаг — пашенное место Буннарин хутил (пашня гуннов); б) сел. Тивак [—, Дювек, —] — мельницы Буннарин раѓар (мельницы гуннов); в) сел. Хили [—, Халикент, —] — коран Буннарин Куран (коран гуннов; этот коран весьма больших размеров и высокочтим; за право присягнуть на нем платится по 1 рублю в пользу мечети; коран до сих пор совершенно хорошо сохранился, на одной только странице виднеется кровавое пятно: кто-то дерзнул присягнуть ложно, и глаз его немедленно вырвался и вцепился в коран; в виде приписки изложено все завещание последнего из гуннов); г) сел. Урѓулиѓ — пашенное место Буннарин хутил; д) сел. Ляхла — медный котел Буннарин йаѓаг (котел гуннов), в котором будто бы можно сварить зараз мясо двух быков. Все эти дары последнего из гуннов до сих пор показываются в Табасарани. Для хранения же меча Абу Муслима назначаются теперь сторожа из одного семейства, живущего в селении Чвурдаф. Через 18 лет после Услара, в 1890 г. Хасан Эфенди Алкадарский подтверждает, комментируя слова Бакиханова, „что в северной Табасарани, в Кыракском магале, в селении Чордаф есть пещера, в которой находится какое-то оружие вроде кинжала. Местное население говорит, что это — кинжал Абумуслима завоевателя и они всегда свою поминальную милостыню приносят туда во имя Абумуслима и раздают. В настоящее время этот кинжал хранится в доме одного благонадежного жителя селения Чордаф, дабы кто-нибудь его не украл из пещеры“.¹ Следующий, последний по времени этап в развитии легенды представлен в 1899 г. записью² ученика Бакинского реального училища Джемал Эддина Доногуева в форме „былины о семи братьях-

¹ Х. Алкадарский, указ. соч., стр. 30.

² Опубликована в „Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа“ (вып. XXVI, отд. 2, стр. 19—20).

нартах, и об их сестре“. Здесь мы читаем: „В Кайтаготабасаранском округе, недалеко от г. Дербента, близ сел. Хучни, на берегу р. Рубас-чай, возвышается небольшая гора, на которой красуются и поныне остатки старинной крепости, так называемой «крепости семи братьев» (едди кардаш каласы). Про эту крепость сохранилось среди народа следующее предание. Крепость эта прежде состояла из громадной башни в семь этажей. По народному преданию, в ней жили семь братьев-нартов с красавицей сестрой. Красота сестры нартов была неописанная: она имела золотые косы и такой длины, что привязывала к ним кувшин и доставала из реки воду. Братья и сестра жили в дружбе и согласии; она занималась домашними работами, а братья — охотой и грабежом соседних ханов. Соседи, выведенные из терпения грабежами нартов, объявили им войну и двинули против братьев многочисленное войско под начальством одного из своих ханов. Сестра нартов, увидев предводителя неприятельского войска, влюбилась в него. Она хотела, чтобы братья ее были побеждены, и решила погубить их. Когда враги осадили крепость, то сестра разрядила ружья и пистолеты братьев и налила соленой воды в ножны кинжалов и шашек. Братья сделали вылазку, с криком бросились на врагов и дали залп из ружей и пистолетов, но к их удивлению, выстрелы не причинили врагам никакого вреда; они схватились за шашки и кинжалы, но не могли их вынуть, потому что от соленой воды они заржавели; братья были окружены врагами, и шесть из них погибли, только младший спасся бегством в крепость. Он узнал про измену своей сестры и, привязав ее за косы к седлу своего коня, убил перед глазами неприятеля; но сам после того пропал без вести. И теперь перед крепостью, на огромном камне, виднеется, говорят, отпечаток копыт его коня. Кроме того, около крепости находятся два громадных камня с выбитыми на них отверстиями; в эти отверстия каждый прохожий клал одну пулю и один заряд пороху; это служило как бы пошлиной с каждого прохожего. А то место, где похоронена сестра нартов, слывет проклятым, и каждый проходивший считает своим долгом бросить на ее могилу камень, так что здесь образовалась небольшая горка камней“. Во время пребывания в Табасарани и в Хучни в 1933 и 1936 гг. лично мне удалось побывать в Хучнинской крепости и слышать как турецкое название ее (едди кардаш каласы), так и отрывки самого предания, в частности подробность о проклятой братом могиле сестры и обычае бросать на нее камни, т. е. ту форму предания, которая засвидетельствована Доногуевым.

Все вышеизложенное можно, как мне кажется, резюмировать вкратце, не вдаваясь здесь в возможный детальный этнографический и фольклористический анализ материала, таким образом: ал-Гарнтаи сохранил нам для истории XII в. наиболее интересную и древнюю (хронологически и типологически) форму реально существовавшей вплоть до конца XIX в. легенды, связанной безусловно с домусульманским местным языческим земледельческим культом. Земледельческий характер культа вытекает из сообщаемой им подробности об особой ответственности периода жатвы, когда приближение к культовому месту обуславливалось белым цветом одежды, а также из той роли, какую, по сообщению Химьяри, играла пшеница в обряде ежегодного весеннего обновления ножен (?) для какого-то вещественного атрибута культа. Что это был за предмет (быть может серп? по Алкадарскому — „какое-то оружие, вроде кинжала“), — мы теперь достоверно не знаем: лично ал-Гарнати его, конечно, не видел, как не видели его и все последующие наши осведомители; в этом отношении весьма характерны сообщения XIX в. (дербендца по рождению Казембека и муллы

Селима из табасаранского сел. Ханаг по Услару) об исчезновении этого предмета, гсп. о видимости его только при особых условиях правдивости держащего. Существенно, что уже в XII в. предмет этот интерпретировался в смысле меча или кинжала распространителя ислама Масламы, т. е. по связи с эпохой первого торжества ислама в Табасарани в 20-х годах VIII в. н. э. Культовое сооружение, в котором хранился меч-кинжал, описывается у ал-Гарнати как михраб (часовня), у сильно зависящего от него Казвини превращается даже в мечеть. Позднейшие сообщения говорят об естественной пещере (Химьяри, Бакиханов, Казембек, Алкадарский). Сообщение Услара об урочище под названием „место меча“, находящемся „около сел. Чвурдаф“, поддерживает наилучшим образом вариант ал-Гарнати об искусственном сооружении из камня: дело в том, что этимологическое значение табасаранского названия сел. Чвурдаф — „(находящееся) около Чвурда“, а слово „чвурд“ употребляется в табасаранском языке в значении: „каменная башня; вообще старинное искусственное сооружение из камня“, и применяется, в частности, к многочисленным на территории Табасарани следам дербендской заградительной линии укреплений, тянувшихся по сел. Лиджва и далее к сел. Хучни — повидимому, последнему западному звену этой цепи. (Кстати заметить, Хучни замечательно обилием древних кладбищ с многочисленными арабскими надгробными надписями; следы древнейшего из кладбищ находятся в непосредственном соседстве с „едди кардаш каласы“, причем надгробные плиты торчат из-под корней толстых деревьев довольно густого и немолодого уже леса.) И Казвини в, в особенности, Химьяри не ограничиваются, повидимому, механическим воспроизведением сведений ал-Гарнати, как это имеет место у Хаджи Халифы (с искажением: Хишам вместо Масламы), а дополняют его интересными подробностями (Казвини: + стража, источник воздаяния; Химьяри: + новые ножны, пшеница). Версия Услара отражает интересный, но неясной давности возникновения этап развития легенды и контаминации ее с циклом этнонимических преданий о народности Буннар, быть может, частично книжного происхождения;¹ версия содержит важное указание на Улудз как древнейший центр политического объединения Табасарани и на легендарные обстоятельства переноса этого центра из Улудза в Хучни. По словам Алкадарского,² „... по преданию отцов и дедов известно, что поставленные над мусульманами в Табасаранском округе майсумы и кадии, а после них их потомки, осуществляли управление, живя в одном селении [каком? — А. Г.], но в последнее время, когда они, живя в сел. Хучни, управляли по соглашению, среди них произошел раскол, и табасаранский народ, собравшись, выселил оттуда майсумов в сел. Джараг, а кадиев в сел. Зиль, причем, разделив также страну, вручил северную часть кадиям, а южную майсумам и установил между ними мир“; разделение произошло, по Алкадарскому,³ в конце XVIII в. Последняя по времени версия Доногуева характеризует развитие легенды в сторону чистой сказочной фантазии, уже совершенно обесцвеченной в отношении реалий и потому внеисторической (число 7 сратьев, мотив предательства сестры, „девичья башня“ — Кызкала; термин „нарт“ — отголосок общего для ряда народностей Северного Кавказа героического „нартовского“ эпоса).⁴

¹ Ср. запись в Коране; кстати существование замечательного экземпляра Корана подтверждалось многими местными жителями в 1936 г., но видеть его не пришлось.

² Цит. соч., стр. 94.

³ Там же.

⁴ Ср. наиболее полную сводку материалов о нартах у Dumézil (*Légendes sur les nartes*, Paris 1930).

По поводу списка народов, обращенных, по сообщению ал-Гарнати, в ислам Масламой, уже давно справедливо судил Дорн:¹ „Когда восточные писатели приводят имена народов, которые в настоящее время более не пользуются широкой известностью, это не должно вводить нас в заблуждение и побуждать без дальнейшего к заключению об ошибке осведомителя. Мы знаем, например, Казикумуков теперь обычно только под этим именем, однако они имеют на самом Кавказе различные имена: Тумал (تومال), Туман (تومان), Вулугуни, Вулечуни и Яхолшу“.² Лакзан соответствуют лезгинам (о более широком, чем современный, смысле этого термина у арабов сказано выше). Филан следует читать قيلان (соответствуют Γῆλαι Феофана Митиленского у Страбона)³ — это авары района среднего течения р. Аварское Койсу, общества Кель (قيل), имевшего повидимому, более крупное значение в древности и охватывавшего территорию позднейшего Гидатля и Анкратля (позднейшее общество Кель охватывало территорию современного Ругельдинского сельсовета); Зуклан — термин, остававшийся доселе необъясненным ἀπαξ εἰρημένον, следует читать رقتشان (это — современные агул-кошанцы, по-табасарански именуемые рукушин); Дархах — сомнительная форма, повидимому, относится к одному из современных даргинских обществ.

Частные, признаюсь, несколько случайные, примеры из далекого прошлого, более подробно рассмотренные выше в обоснование и развитие положения о важности арабских письменных источников для истории народов Кавказа, способны вызвать с первого взгляда несколько одностороннее и потому ошибочное представление о хронологических границах преимущественной действительности значения этих источников. В гораздо более близкую к нам, чем XII и XIII вв., эпоху подъема национально-освободительного движения народов Кавказа, направленного против посягательств императорской России на их экономическую и культурно-политическую независимость, арабский язык и документы арабской письменности стимулировали организацию их сопротивления, играя роль междуплеменного и международного орудия взаимодействия. Факт общеизвестен, конечно, и потому здесь можно ограничиться, в целях простого напоминания, каким-нибудь одним характерным примером. По словам авантюриста Штюкера (C. Stücker), пребывавшего среди черкесов в 1857—1858 гг., наблюдавшаяся им, как очевидцем, обстановка многочисленных политических собраний народа, организовавшихся известным „наибом“ Шамиля на северо-западном Кавказе, Мухаммадом Амином, рисуется в следующем виде: „На этих общественных собраниях, совершавшихся обычно в какой-нибудь долине, наиб занимал место, садясь на турецкий манер, под тенистым деревом. Вокруг него располагались старшины всех окрестных селений, а по обеим сторонам его стоял его конвой с заряженными ружьями. Он обращался к народу на арабском языке, вероятно для того, чтобы произвести более внушительное впечатление (um einen würdevolleren Eindruck zu machen), и переводчик переводил собравшимся. Подобное заседание тянулось нередко долго, до 7 часов, и завершалось потом молитвой председательствующего“.⁴ Итак, живая арабская речь звучала 80 лет тому назад в горах северо-западного Кавказа отнюдь не в мечетях и не с религиозными целями, а под открытым небом на

¹ Geographica Caucasica, p. 309, Anmerk. 25.

² «Ср.: Schiefner. Kasikum. Studien, p. 1.»

³ Ср. замечание Marquart'a в журнале „Caucasica“ (fasc. 8, pp. 95—96).

⁴ C. Stücker, Sitten- und Charakterbilder aus der Türkei und Tscherkessien. Berlin, 1862, p. 239.

политических сходах народа, где обсуждались самые основные жизненные вопросы о том, быть или не быть дальнейшему самобытному существованию черкесов на Кавказе. Впрочем, объяснение Штюкера мотивов для пользования арабским языком неверно: Мухаммад Амин вынужден был пользоваться этим языком по незнанию черкесского.

Помимо эпохи мюридизма и связанных с ней позднейших литературных фактов влияния этого религиозно-политического движения среди народов Кавказа (арабские документы эпохи служат теперь, как уже сказано, предметом более или менее систематического исследования наших арабистов, во главе с акад. Крачковским), еще целый комплекс письменно-исторических документов на арабском языке, мало известных и еще менее изученных, ждет своего серьезного исследователя: имею в виду такие документы, как различные варианты Дербенд намэ,¹ Ахты намэ,² различные версии „тариха“, приписываемого Мухаммаду Рафи, и многочисленные иные, в большинстве весьма малоизвестные и не обследованные с точки зрения их происхождения, содержания, а иногда и языка, на котором они могли бы быть первоначально написаны, разнообразные образцы местной историографии Дагестана,³ Чечни⁴ и Черкесии.⁵ Большинство сочинений последней категории сохранялось до последних лет в рукописях в собраниях частных лиц (лично я встречал подобные произведения в Хиналуге, Будуге, Рутуле, Цахуре, Ахтах и многих других аулах южного Дагестана); можно без риска ошибиться утверждать, что большинство из них относится, по времени своего возникновения, к эпохе не ранее конца XVII — начала XVIII в.

Заканчивая свое сообщение, не могу не отметить, что со времени акад. Б. А. Дорна и Н. В. Ханыкова в среде русских специалистов-востоковедов не было и нет ученого, который поставил бы себе целью последовательное и планомерное изучение всей совокупности источников на арабском языке, способствующих разъяснению исторического прошлого народов Кавказа. Нельзя не пожалеть об этом: и количество и качество соответствующих материалов вполне вознаградило бы исследователя за труд, потраченный на это дело. Нет сомнения, что известные трудности на этом пути предстоят; они проистекают, главным образом, из большой разрозненности материала и недостаточной разработанности и систематичности в том, что так или иначе приведено уже в известность

¹ Первоначальная редакция этого популярного в турецком и персидском изводах произведения, написанная на арабском языке, обнаружена, наконец, в последние годы в библиотеках Стамбула.

² Известна в печати по своему содержанию лишь по пересказу Бакиханова (указ. соч., стр. 35 и 48—50); ср. примыкающую к ней по типу историю потомства Абу Муслима, изданную и переведенную Ханыковым в цит. статье в „Journal Asiatique“, и два документа на арабском языке из коллекции удмиев Кайтакских, изданные в русском переводе Беже в „Актах Кавказской археографической комиссии“ (т. II, стр. 1072—1077, прилож.).

³ Ср. например, список сочинений исторического характера, пользовавшихся известностью в Дагестане в 1856 г., напечатанный в „Дагестанском сборнике“ (т. I, 1902, отд. I, стр. 167—168).

⁴ Ср., например, сочинение „ичкеринского кадия Шамиля Каратаева“ — „О происхождении чеченцев“, известное по русскому переводу Н. Семенова: „Туземцы северо-восточного Кавказа“ (СПб., 1895, стр. 209—222), или „выписку из архива Султана Казы Гирея“, приводимую в статье Ф. С. Гребенца — „Курганы в окрестностях станицы Змейской“ (Сб. мат. для опис. местн. и плем. Кавказа, вып. XLIV, отд. 3, стр. 3—4).

⁵ Ср., например, не вполне ясную по происхождению, но безусловно отражающую какой-то арабский первоисточник „Историю несчастных чиракес“ князя Александра Мисостова, 1841 г., хранящуюся в рукописи в наследии акад. Буткова в архиве Академии Наук СССР в Ленинграде; о ней см.: Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, часть II, стр. 618.

кавказоведами. Впрочем, история науки знает блестящие примеры плодотворного сотрудничества арабистов с неарабистами (Куник и Розен, Куник и Дорн и др.) в разработке аналогичных проблем. Как бы то ни было, мы можем быть положительно уверены в том, что ближайшие годы принесут с собою сдвиги и в этом, несколько отстающем, участке исторической науки и что в общем плане дальнейшего углубления в разработке истории народов СССР найдут себе подходящее место и арабские источники для истории народов Кавказа.
